

A cluster of vibrant pink lily flowers with long, slender petals and prominent stamens, positioned behind the title text.

ОЛЕГ РОЙ

НЕСЛУЧАЙНЫЕ
ВСТРЕЧИ

Одна ночь, чтобы разрушить первую любовь.
Одна ночь, чтобы все вернуть. Через двадцать лет.

Олег Юрьевич Рой
Неслучайные встречи
Серия «Цветочная коллекция.
Романы Олега Роя»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67940454
Неслучайные встречи: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172832-8

Аннотация

Иногда пути людей странным образом счастливо пересекаются. Или расходятся – горько и трагично. Они живут, не замечая вокруг себя знаки, которые подсказывают им, куда двигаться. Они сосредоточены на себе. Они совершают ошибки. И только со временем понимают, что все случайности совсем не случайны. Несколько судеб вот-вот переплетутся, запутаются между собой, превратившись в удивительную историю, наполненную чудесами...

«Цветочная коллекция от Олега Роя» – это красочные издания самых лучших и самых любившихся читателям лирических романов популярного писателя, многие из которых стали бестселлерами.

Содержание

Пролог	5
Ирбис	13
Катя Катушкина	50
«Поподробнее с этого места»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олег Рой

Неслучайные встречи

© О. Рой, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

*Любые совпадения случайны.
Или нет?*

Пролог

Если бы можно было взглянуть на движение человеческих судеб с высоты птичьего полета, то мы увидели бы огоньки и пунктиры – что-то вроде гирлянд, украшающих новогоднюю елку. Огоньки – это сами люди, пунктиры-ниточки – это судьбоносные дорожки, по которым люди движутся. Вот человек повернул куда-то, а вот второй, и они неожиданно встретились или, наоборот, разошлись...

Высшим силам, которые поглядывают на нас сверху, наверное, очень интересно наблюдать, как эти ниточки порой переплетаются, куда ведут и к чему приводят. Иногда узор получается столь причудливым, что сами Высшие силы удивляются: «Вот заплелось так заплелось!»

Или... они всё знают заранее?

Ну, может быть, конечно, и знают. Даже наверняка! И иногда ведут. Подсказывают. И люди думают: «Вот так совпадение...»

Ну, какое «совпадение», какой «случай»? Если бы люди были повнимательнее, они увидели бы, услышали, почувствовали эти «подсказки сверху», эти знаки!

Нет, конечно, не стоит поголовно начинать плевать через левое плечо или менять маршрут, если черный котик перебежал вам дорогу. Разумеется, нет. Это всё суеверия старых бабушек.

Знаки – это совсем другое... Это как дуновение чего-то теплого, доброго и неслышного. Их можно понять и принять только сердцем. Например, вы поссорились с кем-то, идете по улице в расстроенных чувствах, и вдруг ваш взгляд случайно падает на афишу фильма или лекции, а на ней выделено слово «ЛЮБОВЬ». И сердце сжимается: «Немедленно мириться!» Случайность? Знак? Или не знаете, как поступить, а из радио вдруг звучит до мурашек совпадающий с вашими мыслями текст, и вы вдруг четко понимаете, что надо делать. Нужно просто всегда держать сердце открытым и ничего не бояться. И ждать чуда, разумеется.

И чудо придет. Даже если мы будем думать, что это абсолютно случайно. Даже если мы перестанем ждать...

Не правда ли, как часто мы видим в фильмах, как неведомый случай сводит воедино некоторые дорожки, которые правильнее было бы назвать линиями судьбы. Вы думаете, так в жизни не бывает? Ого, еще как бывает. И людские пути-пунктиры порой странным образом, через разные и порой многолетние хитросплетения, приводят иногда в одну единственно верную точку. Почему верную? Потому что, после того как человек в этой точке оказывается, жизнь его меняется к лучшему. А это ни с чем не перепутаешь – когда жизнь твоя начинает по-настоящему меняться к лучшему. У тебя словно вырастают крылья. Ну, а что может быть чудесней, чем канун Нового года, тридцать первое декабря, когда даже взрослые верят в волшебство?

А в канун этого Нового года такой точкой стал ресторан «Russian Style». Именно туда привели наших героев святящиеся пути-дорожки, которые так хорошо видно с высоты птичьего полета.

Все они обычные хорошие люди – и каждому хотелось счастья и чуда. Казалось бы, ну что этих людей связывает? Некоторые и вовсе не знакомы. Но все, что с ними происходило в эту удивительную новогоднюю ночь, да и на протяжении довольно долгого времени, было чередой случайностей. Жаль, что не все обращали внимание на знаки-подсказки... Ну, ладно. Они же люди, а не телепаты или экстрасенсы.

И давайте мы с этими людьми познакомимся поближе.

* * *

В шесть часов вечера тридцать первого декабря Тата, не торопясь, красилась перед дорогим зеркалом Тиффани в уютной просторной спальне. Все в ней было устроено с максимальным комфортом, очень стильно, очень статусно и очень дорого.

Но один-единственный взгляд на эту спальню изобличал в ней жилище одинокой женщины. Нежные пастельные тона. Стопка модных журналов. Ни тебе носка, небрежно выглядывающего из-под кровати, ни галстука, неаккуратно брошенного на стул, ни мужского парфюма на туалетном столике, ни мужской фотографии в рамочке, с любовью постав-

ленной на тумбочку.

Красилась Тата с неспешной грацией – тоже стильно, статусно, очень дорогой косметикой. А почему бы и нет. Могла себе позволить.

Краситься умеючи надо именно не торопясь. Так, чтобы косметики и вовсе не было заметно. Нежный матирующий крем, еще более нежный и почти прозрачный тональник, придающий коже удивительное внутреннее свечение – свежее-свежее, девичье. А ведь ей было уже сорок пять. Правда, подруга – Катюшкина Катя, Катюшка – строго поправляла: «Не УЖЕ, дорогая моя, а ЕЩЕ сорок пять, и ты ого-го!» Самой Катюшке было сорок восемь, и ее внешность при таком возрасте можно было сравнить с изысканным выдержанным вином.

Выглядела Тата и вправду лет на десять моложе, и разве что очень внимательный человек мог бы разглядеть в глубине ее глаз чуть усталую мудрость, присущую зрелым женщинам. Называть она себя просила не Натальей Николаевной (как тяжеловесно!), а так же, как в юности – Татой, потому что действительно и ощущала себя, и выглядела, по выражению Кати, – «Ого-го».

Но почему-то именно сегодня, в канун Нового года, она почувствовала – перейден некий рубеж. Что-то должно случиться. Нет, она уже давно все свои «случайности» и прогнозировала, и некоторые сама режиссировала. Но именно сейчас она ощутила, что больше так продолжаться не может.

А как – «так» – Тата еще уловить не могла. Но точно знала, что она что-то решит. Или что-то за нее решится.

Такая долгая, в общем-то, жизнь. Есть что вспомнить. Хорошего, плохого, удивительного, волшебного, разочаровывающего. Пики и спады. Но все как белка в колесе. Все эти события казались суетой, потому что не было главного. Того, о чем мечтает каждая женщина, – простого и спокойного счастья...

Итак, Тата наводила красоту.

Тушь, удлиняющая ресницы и придающая им бархатистую пышность. Тени, окружающие глаза нежным дымчатым ореолом. Сегодня Тата затеяла слегка похулиганить. Новый год все-таки. И она решила сделать смоки айс – такой таинственный флер на грани фола. И огненная помада. То ли актриса немого кино, изображающая грусть о прежней любви, то ли томно умирающая от чахотки Дама с камелиями. Во всяком случае, совершенно сногшибательный образ – оттуда, из красивой жизни, – мимо точно не пройдешь.

Тата придиричиво рассматривала себя в зеркале. Маленькое черное платье от-кутюр. Словно из фильма «В джазе только девушки», необыкновенно женственное, именно к образу «оттуда». Тогда о женственности знали все...

Бриллиантовый огонечек-подвеска на тонкой золотой цепочке, украшающей стройную (все еще без морщин!) шею. Удлиненное каре темных волос, в которых уже, к сожалению, мелькали серебряные ниточки. Но их Тата маскирова-

ла у привычного парикмахера Сержика. Сержик все время шутил: «Мужу изменить можно. Парикмахеру – никогда...»

Фигура у нее совершенно не располнела, хотя и выглядела аппетитно – бассейн и тренажерный зал себя оправдывали. На нее заглядывались мужчины намного младше ее – принимали не то чтобы за ровесницу, но и старше не так чтобы намного. Очень хороша собой. Ухожена. Уверена в себе. Спокойна. И сейчас она собиралась на свидание, которое должно было состояться в девять вечера в ресторане «Russian Style». Она уже заказала там столик. Сама. Она привыкла сама распорядиться своим расписанием, своим досугом – так было удобнее. И не только своим – некоторым так тоже было удобнее...

Ни волнения, ни тому подобного романтического трепета. Прошли те времена, когда она была «девочкой с мечтой о принце». Русалочкой. Это было ее домашним прозвищем.

Как же она любила эту сказку Андерсена. У всех девочек есть свой тайный герой из сказки, которому посвящены девичьи мечты. У кого-то отважный Грей, который приплыл за Ассоль на корабле с алыми парусами. У кого-то – Тарзан. А вот Тата в юности мечтала о принце из сказки про русалочку. Обязательно белокуром, с голубыми глазами. И она его встретила. Именно такого. Он был сильный и великодушный, и при нем она могла ни о чем не беспокоиться. Она даже согласна была на жертву в честь него – как героиня сказки. Ох, насколько же надо быть осмотрительнее, давая

подобные обещания...

А ведь она и вправду чувствовала себя русалочкой. Она с детства замечательно плавала, словно и впрямь была в своей родной стихии. И в бассейне, и на море, и в других водоемах. Стоило настать лету, и Тату из воды было не выманить калачом. Мама всплескивала руками: «Простынешь!» Не простывала ни разу. Отец шутил: «Спортсменка, комсомолка и просто красавица». Когда она еще была совсем маленькой, он, как и все отцы, очень гордился дочуркой и как-то на пляже украсил ее темные длинные волосы сорванной кувшинкой.

– Русалочка! – ахнула мама.

– А русалочка должна быть белокурой, – ревниво заметила одна из девочек на берегу.

У девочки были две тонкие белобрысые косицы...

– Зато у меня будет белокурый принц, самый настоящий, – отпарировала Тата.

Так это и стало ее тайной мечтой. Впрочем, тот принц исчез. Давно. Бесповоротно. Она тоже сама так решила. Она всегда решительно рубила сплеча. Если и жалела о принятом решении, все равно его не меняла – не позволяла гордость. А ее сны никого не касались. Решительно никого. Хотя он снился ей до сих пор.

Теперь она стала королевой, о которой принцы мечтают сами. И сейчас ее устроил бы только король. Не олигарх, нет. Об олигархах пусть как раз девочки мечтают. С годами Тата

поняла, что богатство и достаток – это прекрасно, необходимо, но мерить мужчину только лишь достатком Тата давно не хотела. Родители с юности внушали ей мысль о том, что в первую очередь мужчина должен обеспечивать семью. Да, конечно. Но... Он должен быть просто достойным.

Она вздохнула. А она что-то должна? А у нее еще остались какие-то желания? И ее поневоле накрыло то, что она называла «Калейдоскопом воспоминаний»...

Ирбис

Русалочка снова пристально взглянула в зеркало. «Свет мой, зеркальце, скажи...»

Нет, желания у нее, безусловно, остались, но далеко не та щенячья надежда, которая была у нее когда-то в юности. Не профукала ли она уже свое счастье?.. Но она тут же одернула себя, как делала это уже много лет, когда ей приходила охота себя производить. Да в конце-то концов. Она взрослая состоявшаяся женщина. Если уж волноваться и колыхаться в страстях, то не ей, а ему. Мужчина предлагает. Женщина выбирает. А не наоборот.

– Татка, таким, как ты, должно везти. Потому что ты... эксклюзив, – как-то сказала ей Катя, когда они коротали время за чашечкой кофе в небольшой уютной кафешке «Красный лев».

– В хорошем смысле, надеюсь? – уточнила Тата.

– Ты моя хорошая. Ну, а в каком еще? – любуясь ею и не скрывая восхищения, подтвердила Катя. – В самом что ни на есть хорошем. Ты такая...

Подруга плавно повела в воздухе рукой, ища сравнения:

– Во-первых, ты утонченная, как француженка. Словно не из нашего мира. Такой экзотический цветок, да притом с мозгами, а мозгами, между прочим, не всякая хорошенькая женщина может похвастаться. Во-вторых, у тебя сейчас

сформировалась хватка. И это пополам с шармом, понимаешь? И себя не обидишь, и мужчина при тебе любой расцветет. Если ты этого захочешь, конечно. Тебя можно было бы и стервочкой назвать, но ты слишком милая. Хоть и со стальным стерженьком. Помнишь, как ты раньше любила точить слезу? А теперь ты уверена в себе и успешна, сама это знаешь.

– Вот нахвалила, – смущенная комплиментами, но довольная, улыбнулась та и пригубила еще глоток ароматного моккачино.

Катушка всегда была прямой и очень искренней, да и вряд ли бы она стала льстить Тате с какой-то целью – все свои цели она с юности ставила себе четко, шла к ним бодро и абсолютно самостоятельно. Удивительной женщиной была Катя. Словно бы и не женщиной, а неким... универсальным образом. Прекрасным, стильным, но держащимся несколько отграниченно от «типично женского» образа. Мужчины порой отзывались о ней – «слишком самодостаточна». Да, это было именно так. Поэтому она так искренне восхищалась Татой. В той была эта пресловутая женская «слабость», которой в Катушке с юности не было, которая для мужчин была неким манком. Тату хотелось защищать, оберегать.

«Эксклюзив», «цветок», «стервочка», «французенка» – ух ты, сколько всего наговорила ей Катя. Ах да, еще «успешная». Когда-то она совершенно не была такой, но время идет. Успешная и... одинокая. Когда-то ее это очень огорчало, но

не теперь.

Энтузиастка Катя вечно подбивала ее на всевозможные «подвиги». Вот говорят, что «лучше быть, чем слыть». Но Тата вовсе не была такой отъявленной сердцежкой, как рисовало воображение очередного «сваленного в штабель» мужчины. Да, она могла бы походя разбивать сердца и двигаться вперед победным шагом, попирая шпильками поверженных дыхателей.

А они повергались, да еще как. Присылали букеты. Некоторые с записочками. Коробочки с дорогими подарками. Подарки возвращались обратно дарителям. Цветы милостиво принимались. Вся эта суета порой царила в модном бутике свадебных нарядов, на ресепшене. Практически всегда Тата сама принимала гостей бутика, и только иногда – две ее молодые, но толковые помощницы. Помощницы отчаянно завидовали – не по-бабски злостно, а совершенно по-девчачьи, с восторгом и обожанием. Потому что хозяйка бутика – а именно Тата была хозяйкой его и еще двух филиалов – не была при своей внешности заносчивой, а при своем статусе высокомерной, к девушкам, у нее работавшим, относилась замечательно. И они ее любили, брали пример с ее умения себя подать. Гордились тем, что работают в таком престижном магазине, причем в статусном районе Москвы.

Но по иронии судьбы владелице сети бутиков одежды и аксессуаров для новобрачных так самой ни разу в жизни и не довелось надеть подвенечное платье.

«Как так?!» – изумитесь вы.

А вот так.

Невольно вспомнишь неэлегантную, но жизненную русскую поговорку – «сапожник всегда без сапог». И здесь она, увы, как нельзя более подходила к ситуации.

– Ну, как твой Ирбис? – полюбопытствовала Катя, когда они за неделю до Нового года снова решили посидеть в «Красном льве» и съесть низкокалорийного салатика.

– А что Ирбис? – пожала плечами Тата. – И с какой радости он мой? У него своя жизнь, у меня – своя.

– В смысле?! – подняла брови подруга.

– В прямом.

– Он же тебя замуж звал!

Тата, не сдержавшись, фыркнула:

– И что, это должно было стать для меня железным аргументом? Можно подумать, колечко на безымянный палец – предел моих мечтаний, и неважно, кто на меня его надел, так, что ли?

– Ну, не знаю, – задумалась Катя, подцепляя вилочкой листик салата и решительно отправляя его в рот. – Все-таки молодой. Красивый. Лихой. Не лихач, а лихой. И предложение сделал не с бухты-баракты, ему же тоже не семнадцать.

На этот раз Тата не стала хихикать, чтобы не обидеть подругу – Катя успела побывать замужем уже шесть раз, три неофициально. И это не сделало ее счастливее. Словно птичка, та перепархивала из дома в дом, но каждый раз уверяла,

что это клетка, а в клетке сидеть она была не намерена. Ну, в самом деле, чего ждать от блогерши, психолога, коуча, переводчицы и путешественницы? Что она превратится в домохозяйку? Это тоже не было пределом ее мечтаний...

– Вот еще, – говорила она. – I like to move it, move it.

Предпоследний муж, неофициальный, Леша, ушел от нее, потому что она почти на месяц уехала на Тихий океан, увлекшись дайвингом. А у него был загородный дом, и он мечтал о своем хозяйстве и хотел в скором времени завести курочек и козу... Вот эта коза удручала Катю в особенности.

– ТАТА! – говорила Катушка с возмущением. – Ну вот где я, а где коза?! Хотя Леша порядочный, хозяйственный, конечно... Но коза – это уже слишком. Куда я уеду от этой чертовой козы?!

Последнего мужа, автогонщика, с которым Катя зачем-то расписалась, она бросила через год.

– А сын, между прочим, меня поддержал! – подняла палец Катя.

Сын Катушки, Макс, к маме относился больше как к подруге, даже называл ее по имени... Правда, жил он в Германии с отцом. Вот разве это нормально, когда мать с сыном живут в разных странах? Правда, перезванивались они практически каждый день...

Сын... Эх, Ваня-Ваня... Нет, Ваня – это нынче тема тоже запретная.

Еще Катя говорила, что все ее браки удались. Это была,

конечно, шутка, но какая-то грустная. «Ну какой же ты коуч по отношениям, – хотелось порой сказать ей, – если сама все никак определиться не можешь». Но огорчать подружку Русалочка не хотела.

– Все же отношения весьма взбадривают, – настаивала Катя. – Тем более замужество.

– Да предложения-то мне периодически поступают, не в них дело, – покачала головой Тата. – Я не желаю «надевать хомут на шею».

На самом деле с течением лет ей почти удалось убедить себя, что семейная жизнь, с ее обыденностью и размеренностью, скучным ведением хозяйства и неизбежными скандалами, совсем ее не привлекает.

– Ну, с Ирбисом ты точно не заскучаешь, – засмеялась Катюшка.

– Я бы поспорила, – возразила Тата. – Замуж, говоришь? Ты ведь помнишь, как мы с ним познакомились? С этим, извини меня, чертом?

Конечно, рассказ об этом знаменательном событии подружки обсудили давным-давно вдоль и поперек – полгода назад, ровно столько, сколько продолжался их роман.

А совсем недавно Тата пережила два совершенно жутких стресса – нет, не на любовной почве, а на семейной, что иногда гораздо разрушительнее. Сначала Ваня устроил то, что лучше забыть, как страшный сон, потом ушла из жизни мама. И теперь всеми силами Тата старалась вновь обрести са-

мообладание и научиться радоваться жизни. Любимая работа как раз очень ей в этом помогала.

Тата две недели как вернулась из Германии, где провела сорок дней со скорбного события. Надо сказать, поездка была инициирована Катей и ее бывшим мужем.

– Татка, одну я тебя тут не оставляю, и не мечтай, – твердо сказала подруга после того, как побывала у нее на третий день. – Я тебе не разрешу быть одной и изводить себя, я тебя знаю.

– Поддерживаю Катюшку, – кивнул Виктор, перебрасывая трубку из одного угла рта в другой.

Тата сдалась.

Отъезд оказался очень правильным решением. В Москве Тата захирела бы и затосковала, а ситуация с Ваней усугубила бы все, и кто знает, куда бы все вырулило. А так душа Таты отогрелась в кругу любящих ее людей.

На сороковой день сидели в молчании, вспоминали Зинаиду Алексеевну.

– Интересно, помнит ли Ваня, какой сегодня день, – вздохнула Тата.

И тут раздался звук эсэмэски. Писал Ваня.

«Мам. Привет. Я был на кладбище сегодня. Мне не хватает бабули».

Тата беззвучно заплакала.

– Может, он начал взрослеть наконец? – тихо сказала Катюшка.

– Этот процесс может затянуться, – заметил Виктор. – Мне кажется, не нужно ничего форсировать. Все случается в свой черед. У всех...

Еще через несколько дней Тата с Катей вернулись в осеннюю Москву.

– Спасибо, подруга, меня словно перелицевали... – задумчиво произнесла Тата.

– Значит, нужно попробовать начать жить заново, – сказала Катюшка. – Для начала заведи роман.

– Катька, ты неисправима, – засмеялась Тата. – Для начала мне нужно посмотреть, что там с бутиками!

А с бутиками все было прекрасно. Дела велись аккуратно, и за эти почти полтора месяца даже немного увеличились продажи.

– Это я активно пропагандирую нашу продукцию, – краснея, пояснила Леночка, помощница. – У меня две бывшие однокурсницы замуж вышли одна за другой. В наших платьях. Ну, и другим рассказали, какая у нас тут красота продается... А конец лета – для свадеб самое то!

И Тата, как и обещала, подняла им с Симой зарплату.

А теперь она спокойно ехала на любимом красном джипе на встречу с издателем модного женского журнала. Это был довольно престижный журнал, и несколько лет назад сверкнуть на его глянцевых страницах многие почли бы за честь – он освещал события из жизни светских медийных лиц. Медийные лица встречались, ссорились, разводились, жени-

лись, и все это было красиво, и все это было на виду. Именно издатель, когда еще в чести были бумажные издания, в свое время вышел на мать Таты как на владелицу нескольких свадебных бутиков. В течение довольно долгого времени они сотрудничали, потом Тата и сама, продолжив мамин бизнес, дала понять, что она партнер, с которым можно и нужно иметь дело.

Продолжали они сотрудничать и тогда, когда освещение светской жизни плавно перетекло в интернет. Конечно, у Таты давно был свой сайт, но с интернет-изданием журнала они продолжали работать и периодически обсуждать, кто в этот раз будет лицом бренда – а может быть, лицами. Это было несомненным успехом – ее заметили, она востребована, она поймала волну.

Имя делается непросто и долго, но если уж это произошло, то удачу нужно не просто поймать, но и суметь не отпустить. Тата сумела. И уже несколько лет наряды из ее бутиков мелькали в печати – она одевала на свадебные торжества не только известных в разных кругах невест, но и их подружек на свадьбы.

И мужское население, конечно же, не было обойдено вниманием свадебной моды. Не стоит думать, что удел жениха – это строгий черный костюм, сия манера одеваться осталась в прошлом. Тате были совершенно не чужды оригинальные креативные веяния, недавно она заключила контракт с потрясающей художницей, которая специализировалась на

одежде в технике мокрого валяния из шерсти.

О, что это были за наряды! В нежнейший белоснежный шелк или батист вкраплялись волокна тонкой, почти невесомай шерсти, и на полотне возникали причудливые объемные цветы или морозные узоры. А самые креативные женихи могли щегольнуть лилейным смокингом, молочным жилетом с серебряными пуговками или даже белым цилиндром. В одну из зим именно такая смелая коллекция украсила новогодний выпуск, и состоялась свадьба, и резонанс получился довольно громким. Отголоски его долетели до всех: у модельера появились новые заказы, мастер-классы, и открылось новое направление – ажурный префельт; Тата получила множество новых клиентов, а рейтинг и тираж журнала заметно подскочили.

Потом в мире художников засверкала новая звездочка – девушка, которая своими руками создавала удивительные аксессуары к подвенечным нарядам: украшения в прически, различные колье из удивительных и нежных цветов. Свои изделия она успешно продавала даже за рубежом, и именно с ней был сделан летний выпуск журнала.

На самом деле вся эта круговерть была очень интересной: Тате нравилась праздничная атмосфера, царящая на фотосессиях. Да, конечно, для моделей это было подчас тяжелой работой – часами под слепящим светом софитов с толстым слоем грима, непременно с улыбкой, несмотря на раздраженные покрикивания особо нетерпеливых фотографов.

Но любая подготовка хлопотна, а сам праздник – как фейерверк. Отсверкал, и все. И только фото остаются на долгие годы для воспоминаний.

Теперь, в наступившем октябре, нужно было делать каталог для тенденций поздней осени и потихонечку думать про зиму. Пора отпусков кончалась, нужен был какой-то креатив, новый взгляд на привычную моду. Тата ехала на встречу в самом радужном настроении – сегодня должны были обговорить и подготовить фотосессию с совсем молоденькой невестой. Она была актрисой и певицей, и уже довольно успешной, так что предстоял взаимовыгодный пиар. Мало того, что невеста была хорошенькой, у нее был золотой характер, и ее улыбка, как солнышко, могла осветить самое хмурое настроение.

Нет, Тата не зазевалась – она была очень аккуратным водителем. Но этот черт выпрыгнул ей буквально под колеса на ослепительно-красном (вы подумайте, **ТОЖЕ КРАСНОМ!**) мотоцикле. Она так и воскликнула: «Черт!», резко ударив по тормозам.

Как же ей не нравился этот визг тормозов! Он погружал в атмосферу тревоги и беды.

Мотоциклист, как в кино, резко накренился и не удержал равновесия. Грохнувшись на бок, он проскользил по асфальту вместе со своей техникой, остановился и остался недвижим.

Тата в ужасе выскочила из машины и, спотыкаясь на каб-

лучках, побежала к упавшему, ожидая самого худшего. Но, слава богу, там не было ни луж крови, ни каких-либо других признаков катастрофы. Да и мотоциклист не просто пошевелился – он довольно резво вскочил. Но тут же и осел обратно на асфальт под изумленным взглядом Таты: ей казалось, что она присутствует на съемках какого-то экшена. Наверное, сказало ее перманентное волнение от предстоящих съемок – все вокруг выглядело каким-то нереальным. Но в ее мире не разбивались мотоциклисты, там царил праздник. А это – ну что это за ужас?!

Она рассмотрела упавшего повнимательнее. Точно, какой-то выходец из ада! На алом шлеме маленькие черные рожки, кожаный комбинезон агрессивных тонов – на груди объемная аппликация двух черно-красных чертей, нацеливших друг на друга вилы.

– Вы живы? – крикнула ему Тата.

Вместо ответа он сдернул с себя шлем, выпуская наружу кудрявую копну черных волос.

– Пока жив! – бодро отрапортовал он. – Но с ногой, кажется, проблемы, встать не могу.

– Черт! – снова, не сдержавшись, вскрикнула она.

– Ирбис, – возразил он.

– Что?!

– Ирбис, говорю, – повторил мотоциклист. – Меня так друзья зовут.

«Позер! Пижон!» – про себя негодовала Тата.

Удостоверившись, что с упавшим все в порядке, она очень рассердилась. Оказалось, что это не подросток, как она подумала, а молодой человек лет двадцати шести на вид – практически как ее Ванька. И очень симпатичный. Но даже это не могло ее смягчить – она была напугана, растеряна, выбита из рабочего настроения. И совершенно не знала, что делать. Она понимала только то, что оставить его одного на дороге она не могла.

– Не покидайте меня, – меж тем воззвал «черт Ирбис».

– И не собиралась даже, – огрызнулась она. – Я же понимаю, что вам помощь нужна. Я сейчас вызову вам «Скорую».

– Только не это! – взвыл «черт» – про себя Тата стала называть его именно так. – Болит не колено, а где-то там ниже, значит, скорее всего, не мениск, а просто ушиб. А ушиб – это ерунда!

– Но в больницу все равно надо, – настаивала Тата.

– Надо, – покладисто кивнул мотоциклист, и копна его волос вновь взметнулась над лицом. – Спорить не буду. Только... не уезжайте. Я же за вами как раз ехал.

– То есть? – опешила Тата.

– Я увидел вас через стекло вашего джипа, такую... неземную, – объяснил тот, и обаятельная улыбка осветила его лицо. – И рванул за вами. Совершенно не думал больше ни о чем, только бы догнать, только бы вы не исчезли. Ну, и засмотрелся... Я вообще не падаю, это чистая случайность, руль вильнул!

– Вы ненормальный? – покрутила головой Тата. – У вас, наверное, шок от падения. Вам точно в больницу надо. А у меня сейчас встреча...

– Свидание?! – пылким д'Артаньяном вскинулся Ирбис.

– Переговоры, – нервно выпалила Тата, поднося к глазам часики. – Еще немного, и я на них опоздаю, а это недопустимо.

– Так возьмите меня с собой! Обещаю, я буду смиренно себя вести, – попросился Ирбис жалобно и хитро одновременно. – Не покидайте меня...

– Тогда вам придется сидеть и ждать меня в машине, – сдалась Тата: она видела, что странный порывистый незнакомец помирать не планирует, а бодр и весел, а она действительно могла опоздать. – На встречу я вас взять точно не смогу, да и с больной ногой вы далеко не ускачете.

– Я? – возразил Ирбис. – Да я куда угодно хоть сейчас могу скакать, на мне все заживает как на собаке! Но ускакать от вас – выше моих сил.

Тата закатила глаза. «Позер, хвостун и авантюрист», – в который раз подумала она.

– Носитесь с такой скоростью, – проворчала было Тата, но парень возразил, подняв палец:

– Скорость была как раз недостаточная. Именно поэтому и упал. Сманеврировал неудачно. А если совсем честно, повторюсь: засмотрелся на вас и отвлекся, сам виноват.

Тата снова возмущенно фыркнула, но в этот раз промол-

чала.

Три шага от мотоцикла до машины Ирбис слегка опирался на ее плечо.

– Сильно болит? – обеспокоилась Тата.

– Нет, – гордо отнекался парень, но она видела, что он привирает.

Когда она поняла, что жизни этого хвастунишки ничего не угрожает, она немного успокоилась, но стала теперь волноваться, как бы ей не опоздать на встречу с издателем. В самом Ирбисе Тата не почувствовала никакой для себя угрозы, хоть и видела его впервые.

Тата захлопнула дверцу и тронулась с места, но тут же спохватилась:

– А как же ГИБДД и все остальное?

– Видеорегиистратор все зафиксировал, поезжайте спокойно, – отмахнулся Ирбис, снова отбрасывая пятерней со лба непослушную копну волос. – И то, что вы не виноваты, и то, что жертв нет. Ну, отволокут моего Ирбиса на штрафстоянку, ну, заплачу штраф...

– Кого, простите, отволокут? – переспросила Тата. – Вы же сказали, что это вас друзья Ирбисом зовут.

– Я назвал свой агрегат Ирбисом, – улыбнулся парень. – А потом и меня стали так называть. Тут целая цепочка ассоциаций. Это спортбайк «Хонда СBR», «сибир». Ну, а раз сибирский, значит... снег, зима. Снежный барс, ирбис. Ну, и... это не просто мотоцикл, это верный друг.

«Мило, – признала про себя Тата. – Он не лишен романтики».

– И бросили друга на дороге, – не могла не поддеть Тата.

– Не бросил, – возразил Ирбис. – С ним все будет нормально, я позвоню и попрошу. И потом, это только совсем отбитым байкерам их кони важнее человека. Я скорее мотоциклист. Железку свою люблю, но я в самом деле очень хотел с вами познакомиться. Вот, ничего умнее в голову и не пришло...

Тата покрутила головой, но промолчала, хотя и улыбнулась. Бросила взгляд на часики – она успевала.

– Мы с ним были в походах разной степени тяжести, и он всегда меня выручал, – продолжал рассказывать Ирбис. – Я ведь на нем и к Тихому океану ездил.

– Так далеко? – не удержалась Тата.

– Это была моя давняя мечта, – откровенничал парень. – Я с юности технику люблю. Байкером назвать себя, конечно, не могу, повторяюсь: это совсем другой образ жизни. Но в моторах разбираюсь и езжу практически с самого детства. И вот моей давней мечтой было отправиться к Тихому океану с друзьями. В прошлом году и ездили, впятером. И ломались, и чинились, и сколько разных приключений! Точнее, ломались все. Кроме моего Ирбиса. А виды какие. А Байкал! Представляете – вокруг столько воздуха, простор, под колесами дорога и... свобода.

Тата представила. Да, наверняка это красиво. Она с удо-

вольствием бы посмотрела... на фотографиях. А вот вообразить себя позади наездника на двух колесах, предоставленную всем ветрам, она не просто не могла – не хотела.

– Ну вот мы приехали, – вновь взглянув на часики и успокоившись, что до встречи еще пять минут, сказала Тата. – Ждите меня, но я не знаю, сколько продлятся переговоры. Может быть, час, может быть, больше.

– Подождать вас в плену вашей машины – об этом я мог только мечтать, – снова улыбнулся он. – Правда, у меня более смелая мечта – прокатить вас на своем железном коне...

– Ну, уж вот это точно нет, – язвительно отрезала Тата. – Особенно после ваших сегодняшних полетов. В мои планы не входят повреждения конечностей.

– Честное слово, я действительно отличный наездник, – приложив руки к сердцу, уверил Ирбис. – Асфальтовой болезнью не страдаю.

– Чем?!

– Ну, в смысле редко падаю.

– Но вы же тогда хотели встать и упали!

– Я преувеличил, – повинулся Ирбис.

– Это замечательно, но мне пора, извините!

И Тата покинула своего удивительного пленника.

Она не испытывала раздражения, скорее непонятный интерес. К удивлению, она поняла, что он был ей даже чем-то симпатичен. Нечто экзотическое, незнакомое. Как явление вряд ли притягательное – байкеры в ее представлении все-

гда были чем-то опасным и неприятным. Ее чем-то зацепил конкретно Ирбис. Кажется, он сказал, что вовсе не байкер. Может быть, не все, у кого есть мотоциклы, – байкеры? И они не все такие... ненормальные? Может быть. Интересно, чем он занимается в жизни, когда не гоняет на своем железном коне...

Тата поймала себя на том, что слушает редактора вполуха. Впрочем, пришедшая на встречу та самая молодая невеста вполне мило щебетала, и на этом фоне немногословность Таты была вполне оправданна. К тому же обсуждались рабочие моменты, давно Тате известные, поэтому ее некоторая рассеянность никоим образом делу не помешала. Тата показала новые образцы нарядов, обсудили возможность доставки к сроку фотосессии некоторые понравившиеся невесте модели, выбрали день примерки, фотосалон для съемок, созвонились с фотографом, обговорили каждую деталь. Хотя Тата знала, что в процессе все может измениться, но основное было сделано. И к машине она возвращалась, пожалуй, даже с нетерпением. Во-первых, что греха таить, Ирбис ей понравился, хотя был молоденьким мальчишкой. Во-вторых, Тата все же никогда не была тусовщицей и не имела привычки сажать в свою машину незнакомцев, поэтому к нетерпению примешалась некоторая толика беспокойства.

К ее немалому удивлению, когда она открыла дверцу, Ирбис с заднего сиденья протянул ей милый аккуратный букет розовых роз, ее любимых. Букет походил на свадебный. Она

даже ничего не успела сказать, как он предупредил ее вопрос:

– Я из машины не выходил, честное слово. Просто заказал по телефону курьера, и он привез сюда букет. Позвонил друзьям, рассказал, где я оставил своего коня. Нет, даже отмазываться не буду, заплачу штраф как положено... Да, и по бардачку я не лазал. Но про вас я уже немножко знаю. И даже ваш номер телефона.

Перед тем как она успела забеспокоиться, он поднял с сиденья и показал ей бело-розовый прямоугольник ее визитки. Вероятно, она вчера случайно выронила ее и не заметила. Там красовалась фотография букета, похожего на тот, что вручил ей Ирбис, еще были два обручальных кольца, сцепленные одно с другим, и, разумеется, телефоны и адреса ее бутиков. Ах, вот в чем дело! Тут не надо даже обладать дедуктивными способностями.

Тата задумчиво вдохнула нежный аромат роз, прикоснулась щекой к шелковым лепесткам и заметила, что Ирбис наблюдает за ней.

– Хороший слоган у вас для свадебного магазина: «Идеальная пара», – негромко заметил он. – Это и есть главный секрет. В первую очередь не красота платья, а чтобы пара была идеальной...

– Да, – вздохнула она.

Он продолжал рассматривать ее – ненавязчиво, но неотступно. И вопросы его были прямыми и недвусмысленными:

– Почему вы вздыхаете? Ваша пара не идеальна?

Он зашел далеко со своей откровенностью и в известном смысле пересек границы, за которые его не приглашали. Уже после этого вопроса можно было бы решительно отправить его восвояси. Строго говоря, даже раньше. Но Тата не сделала этого. Вместо этого она посмотрела на него точно так же открыто и спокойно:

– У меня нет пары. И я не замужем.

Конечно, она ждала стандартного набора восклицаний: «Как же так?! Не может быть! Чтобы у такой красивой женщины не было пары!» Она слышала это много раз.

Но Ирбис сказал совершенно другое:

– Выходи за меня замуж.

Сначала Тата подумала, что ослышалась. Но Ирбис повторил четко, чтобы сомнений больше не возникало:

– Пару идеальной делают оба. Будь моей женой. И мы попробуем.

На секунду Тате показалось, что ее буквально ошпарили кипятком. Надо сказать, сравнение страшненькое, да и ощущение ее было очень странным. Она рассердилась.

– В больницу! – тоном, который не допускает возражений, заявила она и довольно мрачно рванула с места.

Весь остаток пути они молчали. Наконец Тата притормозила возле медицинского центра.

– Думаю, вы сможете дойти сами, – сухо сказала она. – Раз вы так замечательно умеете преувеличивать.

Вместо ответа он взял ее руку – уверенно, как будто это было ему позволено, – быстро поцеловал и ушел, чуть прихрамывая, но не оглядываясь.

И она без колебаний, не думая, что ведет себя невежливо (а Ирбис как себя повел?!), поехала домой. А дома расплакалась. Поставила подаренные розы в вазу и зарыдала. Она так редко себе это позволяла в последнее время. Ее не понял бы никто – ни подруга Катушка, ни мама, ни сын Ваня. Это прорвалось наружу то, что она так тщательно скрывала от окружающих и от себя самой. Ей так хотелось услышать эти главные для каждой женщины слова – только если бы их произнес другой человек... Но он их не произнес.

На другой день она, успокоенная и упрекающая себя за несдержанность и излишнюю эмоциональность, поехала в бутик – а Ирбис был уже тут как тут. Словно ждал, когда она появится в магазине, и предстал перед ресепшеном («Как черт из коробочки», – машинально подумала Тата). Но одет он был не в кожаный байкерский прикид, а в модный тренч. Октябрь был на удивление сухим и теплым, так что тренч был очень к месту, он придавал вчерашнему лохматому «мальчишке» солидности. Тот даже выглядел старше, чем вчера, и был не таким взлохмаченным – убрал волосы в стильный высокий хвост. Настоячивый байкер – хоть он и уверял, что таковым себя не считает, – вновь принес букет. На этот раз лилии. Две ее молоденькие помощницы, Сима и Леночка, переглянулись и приснули. Тата тоже сдержанно

хмыкнула.

– Я сделал что-то не так? – задрал он брови в искреннем недоумении.

– Да Наталья Николаевна терпеть не может лилии, – краснея, пояснила Леночка.

– Тогда приношу свои извинения, – аккуратно укладывая букет на ресепшен, повинился он, и даже кончик его кудрявого хвоста печально свесился. – И обещаю изучить пристрастия. А в качестве извинения приглашаю даму на ланч.

Тут только Тата поняла, что голодна. До бутика она пробежалась по другим делам, а дома, утром, успела выпить только чашечку кофе, так что ланч был бы очень кстати. «Хитрец», – в который раз подумала Тата, но не стала, как вчера, устраивать сцен.

– Девочки, – обернувшись к помощницам, развела она руками. – Я вас ненадолго покину. Справитесь?

– Мы очень постараемся, – прощebetала обаятельная Сима и улыбнулась, а в дверях уже появились первые клиенты.

Тата была в некотором роде трудоголиком. Ей не просто нравилась ее работа – она знала ее в тонкости и часто проводила на ней слишком много времени. Она понимала, что вполне могла бы позволять себе и расслабиться иногда, только вот не тянуло. И сейчас ее удивило то, что на ланч она отправлялась с видимым удовольствием. Девочки проводили ее улыбками. «Сплетничать будут», – поняла она, но совершенно не рассердилась.

Девочки постоянно подначивали ее обратить внимание то на одного воздыхателя, то на другого. Тата отшучивалась. Неужели на этот раз их начальница и впрямь решила позволить себе хоть какую-то личную жизнь?!

– Итак, в какую часть света ты хотела бы отправиться? – как ни в чем не бывало осведомился Ирбис. – Япония? Грузия? Италия?

Тата быстро сообразила, что он имеет в виду не части света, а рестораны.

– То есть мы уже на «ты»? – хмыкнула она.

– Со вчерашнего дня, – спокойно кивнул он, и она вспомнила, как вчера вместе с предложением руки и сердца он перешел на «ты», словно это было нечто само собой разумеющееся. Ей стало ужасно интересно, чем закончится этот фарс – ничем другим она это и не считала.

Между тем он галантно предложил ей согнутую в локте руку.

– На мотоцикле не поеду, – быстро предупредила она.

– Ну что ж я, мальчишка какой? – усмехнулся он. – Не понимаю, что элегантный костюм от-кутюр надо выгуливать на чем-то более подходящем, чем два колеса?

– Кстати, сколько тебе лет, если ты «не мальчишка»? – спохватилась Тата, ожидая услышать цифру до тридцати.

Оказалось, что Ирбису тридцать два. Ну, допустим... Все равно он же чуть постарше ее Вани. Ну, как «чуть», на шесть лет почти... Какие же открытия ее еще ожидали? Вполне

свеженький «Фольксваген» не такого уж древнего года выпуска. «Может, и не мальчишка», – подумала она.

По пути разговорились, и Тата узнала, что Ирбиса на самом деле зовут Андреем, что занимается он туристическим бизнесом, а расслабляться действительно привык, исключительно гоняя на своем Ирбисе, которого любовно называл железякой. «Упаси бог, Ваня увидит и захочет такую же головную боль», – привычно подумала она и привычно себя одернула.

– А у меня идея, – между делом заметил Андрей. – По поводу твоего бизнеса. Необычная, но сразу не отказывайся.

Они уже сидели в небольшом уютном зальчике итальянского ресторана, и он протягивал ей айфон с какими-то фото.

– Это что? – спросила она.

– А это свадьбы. Я же тебе говорил, что потихоньку занимаюсь турбизнесом? Вот эта была в Италии. Мои знакомые. Но эта стандартная. А вот взгляни...

Эдакого она еще даже не видела – невеста в фате, но в шортах, каких-то наколенниках и налокотниках, и жених ей под стать.

– Лонгбордисты, – пояснил он. – И свадьба, соответственно, креативная.

И он включил видео.

Да уж. Нет спору, выглядело это красиво – очень спортивная пара, мчатся наперегонки по асфальтовому треку, ле-

жа на длинных досках, лонгбордах. Короткую фату невесты треплет ветер. Тата почему-то вспомнила, как по асфальту кубарем катился Ирбис. Он мог сто раз повторить ей, что его падение случайно, но оно все равно было. Тата представила, что лонгборд невесты случайно вильнет в сторону на такой скорости, или фата зацепится за что-то... б-р-р.

– Но ты же понимаешь, что это не для всех?!

– Конечно, – кивнул он с энтузиазмом. – А почему бы тебе не сделать у себя на сайте раздел «Не как все»? Хотя как курьез. Ведь люди же разные бывают. А читателей все равно зацепит.

Тата задумалась. Определенный смысл в словах Ирбиса, конечно, был. Ведь и белый цилиндр тоже поймет не каждый.

– Ну, допустим, – снова сдалась она: что-то ему удавалось слишком быстро ее уговорить. – А что ты конкретно предлагаешь?

– А конкретно – лонгбордисты уже были. Свадьбу под водой ты тоже уже наверняка видела. А вот жениха и невесту в белых косухах я еще не встречал, хотя у меня есть знакомые супружеские пары из байкерской тусовки, хотя и не так много. Представляешь, как красиво? И необычно.

– Представляю, – хмыкнула она. – Надо... Надо подумать. Да... Я действительно подумую.

– Вот и отлично. Нам с тобой пойдут белые косухи, – невозмутимо кивнул Ирбис и протянул Тате меню.

И только через несколько секунд она сообразила, что ее слова «Я подумаю» он отнес совсем к другому. Вовсе не к публикации фото жениха и невесты в нестандартных свадебных мотокостюмах, а к его предложению руки и сердца. И Тата запоздало задыхнулась то ли от возмущения, то ли от изумления. «Паренек просто зарывается», – в который раз машинально подумала она и осеклась. Да в самом деле. Она так бурно на него реагирует, словно принимает все эти безумные разговоры всерьез!

Она незаметно перевела дух, опустила глаза в меню и сказала подошедшему официанту:

– Крем-суп из брокколи и «Цезарь» с курицей... Знаешь, – перевела она взгляд на Ирбиса, – если уж мы сюда пришли, то я хочу не о работе говорить, а отдыхать.

Вот так она вернула Ирбису его пас, сделав вид, что не понимает его намеков.

– Все. Отдыхать так отдыхать, – кивнул он и тоже обратился к официанту: – Спагетти с курицей и грибами и пицца «Карбонара»... Будешь пиццу?

– Ты же не хочешь, чтобы я лопнула, – отказалась она.

– Наташа...

– Тата, – быстро поправила она.

– Тата, – проникновенно произнес он. – Мне вправду хочется сделать тебе приятное. Чтобы ты действительно отдохнула. У тебя слишком серьезный вид... Можно я поведу тебя в кино после ланча?

И Тата согласилась. А почему бы и нет? А после кино она окончательно плюнула на все так называемые приличия и отправилась к нему в гости на кофе, прекрасно понимая, что это за «кофе».

Кстати, и кофе он варить умел неплохо, и квартира у него была приличная, в стиле хай-тек – черно-белые тона соседствовали с серебром и неожиданными акцентами алого цвета. Квартира, правда, была куплена ему родителями... Зато нигде не обнаружилось ни одной вещицы, намекающей на присутствие в этом холостяцком логове даже приходящей подруги.

И потекли дни, недели и месяцы «отдыха». Осенний выпуск журнала в самом деле включил фото молодой пары в белых кожаных косухах, штанах и высоких сапогах со шнуровкой – издатель решил рискнуть. Такой раздел Тата не стала бы выделять в отдельную тему, слишком фриково, но как яркий акцент смотрелась эта пара свежо. Задорно улыбающиеся, с белыми шлемами под мышками. Почему бы и нет.

...Однако это был просто выпуск журнала. И если Тате поначалу было действительно интересно, то сейчас она все чаще ловила себя на том, что ей... попросту скучно с ним.

«Заелась дамочка», – непременно скажет кто-нибудь и с обывательской точки зрения будет, вероятно, в чем-то прав.

Вот и аргументы Кати Катушкиной были просто бронбойно железными: «Молодой, красивый, лихой. Ну, что еще надо для счастья?»

И сейчас, в данный момент, когда они поглощали низкокалорийный салатик в «Красном льве», она напирала на Тату этими аргументами, как танк. Тата привычно возражала:

– Катуш, я не могу выходить замуж за каждого молодого и красивого.

– Но тебе же не каждый замуж предлагает, – сердилась, не понимала Катя.

– Да ведь между людьми должно быть что-то общее... кроме постели, – махнула рукой Тата. – А у нас что общего? Да и возраст...

– Послушай, – перебила Катя. – Есть женщины без возраста. Ты же не будешь возражать, что это про нас с тобой.

Тата не могла не признать, что та права.

Ну, во-первых, они обе уже практически перевалили за черту «репродуктивности». Нет, и глубоко за сорок, конечно, тоже можно и выносить, и родить, и даже успеть воспитать. Но сейчас обе женщины решили, что цели и задачи у них были абсолютно другими, свое они уже «оттрубили». Во-вторых, конечно, замужество само по себе вовсе не было у Кати самоцелью.

– Я совершенно не пример для подражания, – честно сказала Катя. – Скорее уж наоборот. Но когда тебе делает предложение человек на двенадцать лет младше, это уже что-то да значит. Что он тебя оценил – именно тебя, а не твой возраст, о котором он, кстати, был прекрасно осведомлен с самого начала.

Вероятно, в отношении Кати к жизни действительно была изрядная доля цинизма. Но, в конце концов, кто сказал, что именно такой цинизм – это плохо?!

– Двенадцать лет разницы – это не приговор и не трагедия, – настаивала Катушка. – Мы с тобой это обсуждали, помнишь?

– Тринадцать, а не двенадцать лет. Это сейчас кажется ерундой, – качнула головой Тата. – А лет через десять? А через двадцать? Еще как аукнется. Замуж ведь не на несколько лет выходят.

– Да? – искренне удивилась Катя, примолкла и несколько минут сосредоточенно поглощала нежные листочки салата. – Поверь, я проходила через это. Сначала все хорошо, а затем чувства притупляются. Причем с обеих сторон. Вылезают несовпадения, на которые глаза уже не закроешь. И что потом? Терпеть и мучиться? Нет, я действительно не призываю брать с меня пример и прыгать из брака в брак. Можно подумать, мне это нравится.

Конечно же, у нее же не было изначальной цели ходить замуж, как в гости. Но так действительно получалось. Случайно...

– Я так не хочу, – серьезно покачала головой Тата. – По мне, лучше одной.

– Слушай, а может, это у тебя просто идеализм? – задумчиво предположила Катушка.

– Ну, какой тут идеализм, – устало отмахнулась Тата. – К

тому же сейчас наши отношения с Ирбисом вообще забуксовали. Мы не то чтобы поссорились, а... вот слово очень правильное – разошлись. У нас в самом деле разные интересы. У нас, в конце концов, разные компании. Разные разговоры. У него друзья еще помладше его самого, и им вместе комфортно. А я иногда их просто не понимаю! И чувствую себя какой-то замшелой старушкой с кучей проблем. Мне, к примеру, договора подписывать, а Ирбис предлагает усвистать на Тибет на несколько дней. Еще мне не хватало! Какой мне Тибет?! Вот как тебе – коза...

– Да, коза – это жость, – вздохнула Катюшка. – А сейчас-то у вас что?

– А вот как раз то самое и есть! – сердито отмахнулась Та-та, накалывая на вилку кубик фетаки. – Разность интересов. Вот, представляешь, как раз недавно обсуждали с Андреем, где и как встречать Новый год. Я ему предложила полететь вдвоем на Кипр. Там так здорово, я люблю Ларнаку в любое время года... Романтично, красиво. И мы вдвоем. И никто не мешает, ни работа, ни друзья его многочисленные. Так хорошо иногда побыть в тишине, друг с другом, особенно в новогодние каникулы, когда времени предостаточно и не надо ни о чем думать... Сначала он почти согласился, но потом вдруг объявляет: «А у меня просрочен загранпаспорт». Нет, ну ты себе можешь представить?! Человек занимается туристическим бизнесом, и оказывается, что у него просрочен один из самых главных документов! И вот как он дела

ведет с такой беспечностью?!

– Ну... – осторожно сказала Катюшка. – Бывает все. Еще и не такие истории бывают... У него же не фирма обанкротилась, в конце концов, и не груз наркотиков таможня арестовала...

– Ну у тебя и примеры, – покрутила головой Тата, разгоряченная разговором. – Знаешь, я не собиралась наводить о нем настолько серьезные справки, как интерес к делам его фирмы. В конце-то концов, я ему кто? Инспектор финансовый? Почему меня это вообще должно волновать?!

– Ну, успокойся, – погладила ее по руке Катя. – А дальше?

– А куда дальше-то. – Тата нервно глотнула морса. – В качестве альтернативы он мне предложил один из загородных коттеджей, которые они с друзьями иногда снимают, чтобы тусить. Бассейн, сауна, дикие крики, когда «бомбочкой» в воду, море выпивки, мужчины... нет, МАЛЬЧИШКИ, соревнуются, кто кого поборет, кидают друг друга через плечо, кто-то нюхает коку с барной стойки. А девчонки рассказывают, кто куда съездил, про какие-то свои любовные истории... Да была я один раз с ним там, думала, с ума сойду от скуки, еле выдержала. Одна головная боль, и все. Хорошенькая была бы романтическая встреча Нового года, ничего не скажешь...

Катя снова вздохнула.

– Новый паспорт делать, как ты понимаешь, поздно, до каникул все равно не успеть, – продолжала Тата. – Я ему и

брыкнула: «Ну, ты как мой Ванька!» Он обиделся, конечно. Вида не подал, но его это задело. Он ведь Лев по гороскопу. Критики никакой не выносит. А я его с ребенком сравнила.

– Ну, какой Ваня ребенок, – пробурчала Катя.

– Никакой, – подтвердила Тата. – Поэтому давай о нем не надо, а?.. Короче, с Андреем не общаемся уже четыре дня. Ни он не пишет – не звонит, ни я. Мы еще так не ссорились. Мы же практически вместе жили. И вот тебе здрасьте.

– Нет, это как-то неправильно, – пробормотала Катя. – И что ты думаешь делать?

– Ничего, – решительно сказала Тата. – Конечно, мне неприятно с ним вот так вот цапаться. Собственно, он и не виноват, ведь это моя идея на Кипр полететь. С другой стороны, может, все к лучшему... И надо ставить точку, а?

Катя покачала головой:

– Но не такую же... Нет ничего хуже, чем ставить точку на такой ноте. Он же и вправду не виноват.

– Знаю, – отвернувшись, буркнула Тата.

– Ну и вот! – подмигнула Катя. – Может, это не точка, а запятая? Подумаешь, повздорили. Самое хорошее – это как раз помириться перед Новым годом. Вот и помирились бы. Предложи ему третий вариант! Не Кипр, не загородный коттедж, а что-то другое. Тоже романтическое, тихое.

– Ресторан «Russian Style»! – вырвалось у Таты.

– Вот именно, – поддержала Катушка. – Твой любимый. Он такой чудесный.

– Знаешь... Если честно... – Тата покусала губу. – Как только я узнала, что Андрей просрочил паспорт, я сразу попросила Леночку, она у меня вместо секретарши, заказать там столик на двоих на новогоднюю ночь. А ему пока не сказала. Чуть позже отобью ему эсэмэской. Я еле успела с заказом, там обычно любят собираться те, кто знает, как там славно. И хорошо, что банкетов там на этот раз не будет – шума меньше.

– Ты просто великий стратег, – вполне искренне заметила подруга.

– Я просто предусмотрительная и прагматичная женщина, – вздохнула Тата. – Но я устала быть прагматичной и предусмотрительной.

– Ну вот и отдохнешь, – заключила Катя. – Мирись, мирись, больше не дерись.

Тата рассмеялась – немного грустно. Но подумала, что Катюшка, конечно, права. На такой ноте не расстанутся. Они не школьники – расплеваться и уткнуться по своим углам.

К тому же чем ближе подходили праздники, тем больше ей хотелось помириться с Андреем. Он все же хороший... забавный... Лев. И он всегда старался заботиться о ней, как о львице в прайде. И, к чести его будь сказано, одновременно с ней львиц в его прайде не было, Тата почувствовала бы. Конечно, они были – до нее. Он серьезно рассорился с одной за три месяца до встречи с Татой. Она мельком слышала разговоры в их молодежной компании. Девушка как де-

вушка, ничего особенного. Разумеется, кроме того, что «по возрасту она больше ему подходила». Это больно резануло слух, хотя Тата и сама это прекрасно понимала, просчитывала перспективы.

Замуж за него... Да он с ума сошел. Да, он человек неплохой. Даже практически не пьет, что удивительно. Она по привычке все ждала, когда же он, «как все байкеры», сорвется в запой – подсознательно, но ждала. Может быть, просто в глубине души искала повод расстаться?.. Кто же знает. От чего люди расстаются? Да совершенно по разным причинам. Видимо, Тата действительно хотела найти причину. Потому что по большому счету не любила его.

Катушка сказала ей как-то:

– Дорогая ты моя. Возможно, я покажусь тебе циничной, но если ты хочешь чего-то большого и чистого, то купи слона и помой его. Нельзя страдать всю жизнь по несбывшемуся! Если бога не случилось, его надо придумать, возможно, не один раз. Потому что жизнь должна радовать!

– Но ведь в жизни есть не только радости! – вырвалось у Таты.

Но Катя отмахнулась:

– Ну, кто как воспринимает. Я эгоистка? Возможно. Но я же никому не сломала жизнь!

– Откуда ты знаешь? – тихо отозвалась Тата.

И Катушка примолкла, задумалась, погрузилась в какие-то думы и воспоминания. Расходились из кафе невесе-

лые, но все же обнялись на прощанье, как у них было давно заведено.

– Ванечке от «тети Катушки» спасибо передай. После него мой старенький, но любимый ноут просто летает, – вспомнила та.

– Ты забыла, что мы с ним не разговариваем? – укоризненно посмотрела на нее Тата.

– Забыла, – с вызовом ответила Катя. – Тебе бы уже тоже давно стоило прекратить этот бойкот. Мы с сыном так надолго никогда не ссорились.

– Просто на расстоянии любить легче, – вздохнула Тата. – А тут такие эмоции... И потом, все это ему на пользу. Я имею в виду перерезание пуповины.

– Но не так же, – покачала головой Катушка. – Не в виде бойкота. Татуся... Прости, сейчас опять сделаю больно... Но сначала ты убрала из своей жизни Ваню. Потом, слишком быстро, чтобы опомниться, потеряла маму. Жизнь тебя бомбит, мало не покажется. Ты очень нежная, а пытаешься себя искусственно ожесточить. Зачем?

– Вероятно, я одеваюсь в броню, чтобы оградить себя от дальнейшей боли, – помолчав, сказала Тата.

– Ну и как? Помогает? – тихо спросила подруга.

Тата молча покачала головой. И они снова обнялись.

А за день до Нового года Тата все-таки решила сходить на сеанс аромассажа. Ее туда чуть ли не силком отправил стилист, незаменимый Сержик.

Сержик был очаровательно бесцеремонным. Всех своих клиенток младше пятидесяти он называл «мать» и на «ты». А вот зато все возрастные у него были «девушками» и на «вы». Сердиться на него было невозможно. Во-первых, он был легок и обаятелен, как большинство стилистов нетрадиционной ориентации, во-вторых, у него были золотые руки. Его обожали все, потому что выходили от него на диво посвежевшими и преображенными.

– Скоро я у тебя из статуса «матери» перейду в «девушки», – пошутила один раз Тата, но он отмахнулся: «Мать, не смейся, не скоро...»

А не так давно, после очередной стрижки, он пристально посмотрел на нее и строго погрозил пальцем:

– Мать! Прекращай уже это.

– Что прекращать? – не поняла Тата.

– Ты очень зажата, – пояснил Сержик. – Я же тебя сейчас стриг, за плечики потрогал. Зажатые плечики. А это значит что?

– Что?

– На массажик пора. И еще психосоматика, ага. Вот не зря же говорят: «Взвалила груз на свои плечи». Разгружаться надо, хоть иногда...

– Хоть ты посочувствуешь, – вздохнула Тата и встряхнула обновленным каре. – Спасибо тебе, дорогой. Уговорил, пойду на массаж.

– Ну, и я ж еще одно доброе дело делаю, – подмигнул Сер-

жик. – Подружка моя недавно салон открыла. Тайский массаж, медовый, мешочками, антицеллюлитный – все дела. Хорошая девочка, правда. Питерская, мы с ней в Крыму познакомились случайно. Недавно из Питера к нам перебралась, спецов подобрала. Держи визиточку.

– Вот хитрец, – улыбнулась Тата. – Спасибо. Если мне понравится, всем знакомым расскажу.

– На то и расчет, о-оспидя! – закатил глаза Сержик.

И вот, расслабившись на массажном столе в салоне красоты под релаксирующую музыку и чарующие ароматы эфирных масел, Тата взяла в руки айфон и стала набирать текст:

«Ирбис, выходи из зоны молчания. У меня для тебя сурприз. Если у нас с тобой еще в планах вместе встретить Новый год, то 31 декабря в 21.00 приезжай в ресторан «Russian Style», где заказан столик для нас двоих».

– Повернитесь, пожалуйста, на спину, – попросила в этот момент улыбчивая массажистка, которая и в самом деле великолепно владела профессией.

– Сейчас, только сообщение отправлю, – ответила Тата и торопливо нажала кнопку.

Катя Катушкина

Катя, Катушка, без сомнения, тоже знаковый персонаж в нашей истории. Иначе мы и не стали бы уделять ей столько внимания. А Высшим силам, которые, напомним, наблюдают за нами с высоты птичьего полета, виднее, чей путь с чьим переплести. А тут подруга главной героини!

Для любой женщины важны подруги. А они бывают разные, очень разные! И это нам с вами тоже будет совершенно ясно в процессе повествования. У Таты сейчас почти не было подруг. Так, приятельницы, не более. Почему так получилось, вы узнаете в свое время, а пока вернемся к Кате, для кого этот Новый год тоже оказался совершенно особенным, хотя она об этом даже и не подозревала. Впрочем, тс-с, об этом тоже несколько позже...

Кого обычно называют «катушками»? Чаще всего полненьких. Так вот, это совершенно не наш случай: Катино телосложение можно было назвать «мальчуковым». Она была высокой и угловатой, возможно, на иной взгляд, не очень складной – отсутствие плавных линий, худоба, узкие бедра. Да и движения – резкие, порывистые. Катя, как говорится, была «женщиной без возраста». За собой следила, душой была юна, и если бы вы, общаясь с Катей, открыли ее паспорт, то сказали бы с изумлением: «Да ладно, вы шутите».

Прозвище свое Катя получила еще в школе – ученики ча-

сто не очень заморачиваются и припаивают одноклассникам клички просто по фамилии. А у Кати ее фамилия очень лихо сочеталась с характером.

Про Катю даже друзья и родственники говорили, закатывая глаза: «Ну, Катя у нас тот еще фрукт! Катушка-покатушка».

Что и говорить, фрукт был экзотический. Ребенком она была поздним, желанным, родители работали в торговой сфере, и страшное слово «дефицит» обошло их стороной, но все было в рамках закона. Поэтому Катушка с самого детства не знала бед – по крайней мере, бытовых. Нет, избалованной она не была тоже. Просто очень любимой и не обделенной вниманием.

С самого детства она была очень общительной, необыкновенно подвижной и любопытной. Она совала носик абсолютно во все дела, при этом была не настырной, а просто живой и непосредственной. Уже в младших классах школы она с восторгом начала вести стенгазету, которую сама же и организовала.

– Катушка, тебе правда это интересно? Пошли в кино лучше, – увещевали ее одноклассницы.

– Мне интересно! – безапелляционно рубила она.

Вдобавок она хорошо рисовала, обладала юмором и своим собственным взглядом на вещи. Поэтому одноклассники узнавали себя на картинках и в смешных, но необидных заметках о жизни школы. Кроме того, она организовала ред-

коллегию, каждого смогла и завлечь, и заинтересовать. У нее были и редактор, и выпускающий, и помощники художников (если надо было что-то клеить, вырезать и распечатывать) – все по-взрослому. То есть Катюшка проявила себя и как организатор.

На ее газеты приходили смотреть из других классов и даже учителя, и все со смеху покатывались. Но больше всего ее интересовали новости: она умудрялась узнавать обо всем первая. Она оперативно преподносила материал под таким соусом, что все вокруг диву давались.

Идеи били из нее фонтаном. Она то организовывала сборы средств для передержки животных, то собирала сведения об интересных людях из их района и брала у них интервью. А в восьмом уже классе подбила одноклассников, включая их молоденькую классную руководительницу, на поход по историческим местам – конкретно на поездку на поля Бородинской славы. Мало того, на Бородино в этот год приезжали и киношники, и Катин класс попал в новости по центральному каналу. В школе это имело большой резонанс, их классная получила премию, а Катю похвалили за такой энтузиазм и интерес к отечественной истории.

«Егоза экстра-класса, но в хорошем смысле», – так выразилась учительница.

Впрочем, Катя не была злостной нарушительницей порядка, училась вполне прилично, хоть и была склонна перескакивать с одного интереса на другой. Собиралась она посту-

пать исключительно на журналистику, на нее же и поступила. Но тут судьба ее сделала первый незапланированный и случайный зигзаг.

У Катюшки и преподавателя английского языка, Виктора Павловича Султанова, которому студенты, разумеется, приклеили прозвище Султан, закрутился бурный роман. Настолько бурный, что Катюшка в самом конце первого курса забеременела. Султан был старше своей студентки на шестнадцать лет. С обычной точки зрения тридцать четыре года – это вполне молодой еще человек. С точки зрения субординации это было вопиюще...

Никакого романа бы не стряслось, если бы не дождь, под который они оба попали в самом конце ее первого курса, в июне – причем не около университета, а возле магазина, где случайно столкнулись. Поздоровавшись, они было пошли в разные стороны, каждый своей дорогой. И тут Катя побежала к автобусу, но упала, поскользнувшись на мокром. Да так неудачно, что сильно подвернула лодыжку. Не успевший даже подойти к своей машине Виктор Павлович это видел, не мог же он оставить свою студентку лежать в луже – подбежал, помог встать. Но неожиданно оказалось, что Катя не смогла ступить и шагу. Она напугалась, расстроилась и попросила отвезти ее домой, присовокупив вежливое «если это удобно». Но нога девушки просто на глазах опухала все больше и, видимо, причиняла ей сильную боль при малейшем движении, так что, невзирая на ее слабые протесты, преподава-

тель отвез ее в ближайший травмпункт.

Высидев довольно приличную очередь, Катя вышла из кабинета в сопровождении хирурга и с удивлением увидела, что Султанов ее дождался.

– А я как раз хотел спросить, есть ли кому о девушке позаботиться, – бодро произнес хирург.

– Есть, – не менее бодро подтвердил преподаватель, чем удивил Катю еще больше, и она впервые посмотрела на него повнимательнее – уже не как на препода, а как на человека. Ведь для многих школьников и студентов их преподаватели – это как бы и не люди, а какие-то существа другой породы, отделенные друг от друга некой разградительной социальной чертой.

И Катюшка увидела просто мужчину. Взрослого, но не старого, даже на взгляд первокурсницы. Пожалуй, красивого (надо же, препод, и красивый!), подтянутого и спортивного. Он неуловимо походил на ее отца. Чем – непонятно, этого Катюшка объяснить бы не могла. Но в его присутствии она вдруг почувствовала покой и безопасность. По дороге в травмпункт она его не разглядывала – было не до того, очень болела нога. Но сейчас у нее словно открылось другое зрение. Спустя несколько секунд оба они поймали себя на том, что слишком долго друг друга рассматривают.

– Давно не виделись? – любезно и вежливо прервал их безмолвный тет-а-тет хирург, про которого они благополучно забыли.

Катя смутилась, а Виктор Павлович – ничего, словно все шло по плану. Он выжидающе смотрел на травматолога.

– Зайдите-ка оба, – кашлянув, пригласил он их обратно в кабинет.

И они зашли. Катя опиралась на руку Султанова.

– Ну-с, – отрапортовал врач, – случай не смертельный, перелома нет, разрыва связок тоже. Есть опухоль, будет синяк. Спортом занимаетесь?

Катя отрицательно помотала головой.

– Ну, вот и не занимайтесь, – кивнул врач. – Сейчас вам вообще лучше не ходить. По крайней мере, дня два. Нужно непременно зафиксировать лодыжку – достаточно биндажа – и опираться на нее ни в коем случае нельзя. Более того, ногу лучше поднять повыше, чтобы уменьшить отек и воспаление.

– То есть мне на одной ноге прыгать, а другую поджать, как цапля, что ли? – не поняла Катя.

– Какой там прыгать, – отмахнулся врач и снова обратился к Виктору Павловичу: – Полная неподвижность и покой в течение хотя бы одного дня. К сожалению, в будущем вывих может повториться, если не пролечить ногу как следует. И перерасти в так называемый привычный подвывих. А оно вам надо? В общем, неподвижность в течение двух дней, биндаж, холод, мазь. Вот, я тут все написал. Потом в поликлинику по месту жительства, физиопроцедуры, но сначала анализы – рентген очень желателен – там все направления.

Хирург, поколебавшись, вручил несколько бумажек с назначениями не Кате, а преподу, словно вверил ему и ее дальнейшую судьбу.

– Угу, – кивнул тот, будто так и было нужно. – Спасибо.

– Полный период восстановления – недели две-три, учтите, – возвысил голос хирург.

– Учтем, – серьезно кивнул Виктор Павлович, чем удивил Катю в третий раз, и с величайшей осторожностью вывел ее из травмпункта.

На его вопрос «куда» она попросила отвезти ее домой, а он напомнил, что ногу нужно поджать вверх, как цапля. Так Катя и сидела в машине с поджатой ногой, а Виктор Павлович веселил ее анекдотами и случаями из жизни, и выяснилось, что он тоже был на Бородино. А дома у Кати выяснилось, что даже хлеба ей купить некому. Так случайно судьба распорядилась, что Катушкины родители два дня как уехали на месяц в санаторий, радуясь, что могут отдохнуть, оставив дома вполне самостоятельную дочь.

О том, что самостоятельность ее оказалась внезапно ограниченной, Катя решила родителям не сообщать, чтобы не портить им отдых, – о чем и объявила Виктору Павловичу.

– Как-нибудь справлюсь, я же не инфантилка какая-нибудь, – решительно сказала она. – И ногу я даже не сломала.

Он одобрил ее решение, взял с нее обещание ничего больше себе не вывихнуть и ушел, почему-то бросив на прощанье, что не прощается. Появился он ровно через час – с ле-

карствами, мазями, эластичным бандажом для лодыжки и фруктами, вручил полезное медицинское приспособление:

– Это называется костыль с опорой под локоть, – объяснил он. – Пару деньков придется тебе с ним под локоток походить. Лучше просто до ванной и кухни.

Катя удивилась в четвертый раз и рассмеялась шутке. А казалось бы, ничего особо смешного не сказал. Но она почему-то смеялась, что бы он ни сказал...

И она не стала, как это обычно принято делать, махать ручками и говорить: «Ну зачем, не стоило!» Наоборот, искренне обрадовалась:

– Ой! Спасибо огромное. Это все так неожиданно на меня свалилось, так не вовремя этот вывих...

– А что, вывихи бывают еще и вовремя? – поднял брови педагог.

Она снова рассмеялась:

– Боюсь, что нет! Я уже прикидывала, как именно я буду с этим справляться, сейчас же сессия, через два дня зачет по психологии...

– Знаешь, даже самостоятельным девушкам иногда не грех воспользоваться помощью извне, – невозмутимо ответил Виктор Павлович.

Крыть было нечем.

– Ты к зачету готова? – поинтересовался педагог.

– Даже без шпор, – гордо ответила она.

– Молоток.

Она всегда все сдавала без шпор...

На следующий день он отвез Катю на рентген и на процедуры, а потом снова домой. Просто личный водитель какой-то. Они говорили взахлеб, причем он тоже слушал с интересом – а ведь, казалось бы, что может первокурсница рассказать препода интересного? А вот смогла. И он тоже смеялся. А когда он смеялся, Катя обнаружила, что на его щеках появляются ямочки...

На третий день прибежала Катина однокурсница:

– Привет! Как нога? Знаешь, кто нам сказал? Султан! Что вообще происходит? Все немножечко на ушах – был же вчера зачет по психологии, по слухам, тебе его отсрочили. Будешь сдавать индивидуально, как поправишься. Интересное кино...

Пришлось рассказать, как было дело, и показать костыль. Точнее, даже не показать – однокурсница сама его заметила.

– Слу-ушай... – глаза однокурсницы округлились. – Кажется, он взялся за тебя всерьез! Я фигею, дорогая редакция.

Пронырливая однокурсница собиралась в будущем быть спецом по скандальным новостям, она всерьез настроилась на желтую прессу. Довольно быстро и грамотно провела расследование, не поднимая лишнего шума, и выяснила о Султанове практически все.

– Ну и прикинь, – шумно отдуваясь, сказала она, ввалившись проведать болезную на следующий же день. – Я на него прям досе собрала. Итак. «Султаном» он стал из-за фами-

лии только отчасти. Он не просто преподает английский, он жутко умный – полиглот и лингвист. А еще изучает какую-то редкую группу восточных языков, еще со своего собственного студенчества. Вот тогда-то его Султаном и прозвали. А сейчас он очень крутой спец, практически профессор. Его за рубежом ценят, кстати. В ГДР. К себе даже звали. Он еще и спортсмен. Когда-то ему дали мастера по боксу в этом самом... полусреднем весе. А еще вроде как изучает информатику и программирование, вроде как разбирается. Только...

Однокурсница быстро взглянула на Катю:

– Только он и правда султан, потому что женат.

Видимо, Катя сильно изменилась в лице, и та заторопилась:

– Но как бы и не женат. Понимаешь, его жена не может иметь детей. Ну, их обоих это сначала устраивало. На первый взгляд. Они жили вместе без малого четырнадцать лет, потом, по слухам, решили пожить отдельно. И так уже года три. Прилично, знаешь ли. Но... пока не разводятся.

– Ну и пожалуйста, – пробормотала Катюшка.

В самом деле, что ей этот Султан? Да еще и женатый. Но этот дождь...

Этот случайный дождь.

Бойкая студентка Катя с живым умом и критическим взглядом на жизнь не могла остаться незамеченной – ей симпатизировали практически все юноши на ее потоке. Ни один ее не задел за живое, да и в школе, в старших классах, тоже

никто не заинтересовал. Ей было с ними не интересно.

И победил сильнейший. Взрослый, опытный Виктор Павлович, так напоминающий Кате отца, надежного, как скала.

Катя очень быстро пошла на поправку, хотя и прихрамывала, и по умолчанию Султан частенько пил у нее на кухне чай с принесенными им сладостями. Через несколько дней Катя легко сдала зачет по психологии. А через неделю Виктор Павлович сделал Кате официальное предложение. Тоже у нее на кухне.

Катя не замедлила с ответом:

– У нас в стране многоженство не приветствуется, кажется?

– Зришь в корень, – удовлетворенно кивнул препода и подлил ей чайку. – Вчера она подала на развод. Я попросил, она не возражала. Вижу, ты уже много чего знаешь. Ну и молодец. Значит, и то, что мы вместе давно не живем. А развод мы обсудили на следующий день... после дождя. У нас все давно сошло на нет, нужно поставить логическую точку.

– Ух ты, – тихо сказала Катя.

– Ух я, – кивнул препода. – Как ты к этому относишься?

– Я... можно я подумаю? – только и могла сказать обескураженная Катя.

– Нужно. Думать всегда нужно, – спокойно резюмировал препода. – Я ушел. Не прощаюсь.

Пока Катя добралась до входной двери, дверь за преподам действительно закрылась. Зато на тумбочке в прихожей Катя

обнаружила симпатичного лохматого и очень смешного зайца. Все-таки в этом логике есть капля романтизма...

– Елки же палки, – громко сказала Катя в пустой квартире.

Подхватила зайца и, допрыгав до гостиной на одной ножке, рухнула на большой диван – думать. Сердце ее грохало тамтамом, а улыбка была до ушей.

Все было так неожиданно. Так... случайно.

Да, он ей нравился. Когда она пришла к нему на первое занятие, что-то в ней отметило: «Препод симпатичный. На папу моего похож...» Мысль мелькнула и ушла. И вот оно как все потом обернулось...

Иногда времени на что-то важное нужно не так много. Достаточно порой нескольких минут.

Но никогда нельзя сразу осознать, что такое «Великое Счастье» и какими путями оно достигается. Особенно когда тебе всего восемнадцать.

Нет, он к ней даже не приставал, она через несколько дней потянулась к нему сама... Что называется «как-то вот так» – и все случилось так, как случилось.

Нельзя сказать, что у него «снесло башню», он был логиком. Но нельзя и сказать, что «нахальный препод сорвал спелый плод». Сорвал, конечно. Но не для того, чтобы надкусить и выбросить. Да, конечно, ему было тридцать четыре, ей восемнадцать. Но это даже не мезальянс и не классика жанра – седина в голову, бес в ребро. Тридцать четыре для мужчины – это расцвет. И им было вместе легко с первой

минуты, а это много значит.

– Пап, кажется, я выхожу замуж, – сказала Катюшка сперва отцу через несколько дней после возвращения родителей из санатория, когда они слегка адаптировались. Она все говорила сначала ему.

Конечно, он советовал подумать из-за разницы в возрасте. Но не мог не признать, что Виктор Павлович весьма порядочен, спокоен, рассудителен, подтянут и спортивен – он, разумеется, пришел к ним знакомиться.

Еще через два месяца Катя точно знала, что беременна... Но это было не последнее потрясение, которое ждало ее родителей.

Конечно, в университете был скандал, но не совсем так, как это обычно бывает – препода не уволили с позором, а он ушел сам, совершенно без всякого позора, а даже с триумфом. Потому что после свадьбы, которая очень быстро последовала после его развода, Виктор Палыч вместе с молодой женой уехал в ГДР, где его знание языков в совершенстве, особенно редкой восточной группы, было давно оценено.

Вот тогда-то скандал и разразился – изумленно-завистливый. В то время довольно модно было высказывать замуж за рубеж, но тут уж был совсем завидный вариант. Не абы за кого в чужую страну, только чтобы выскочить, – нет, за своего, вроде как по обоюдному чувству.

В том-то и дело, что «вроде как»...

Кате все было как с гуся вода, она и жизнь воспринимала

как некое приключение. Нельзя сказать, что она была беспечна или глупа, вовсе нет. Она относилась к жизни просто: вот это со мной сейчас происходит, и я это приму. Потом со мной будет происходить что-то другое – я приму и это. И вы уж будьте любезны принимать то, что я делаю. Можете и не принимать, конечно, но это ваше дело, а вовсе не мое.

Это можно расценить или как вершину философского отношения к жизни, или как «величайший цинизм», по выражению возмущенной ректорши. Все было у нее не так, как у людей, по мнению той же ректорши, потому что она даже фамилию менять не стала, так и осталась Катушкиной.

– Виктор, ну, повлияй ты на нее, – увещевал тесть.

– Смена фамилии нас счастливей не сделает, – пожимал плечами новоиспеченный муж.

Кстати, про учебу.

Катя родила сына, которого назвали Максом, что было весьма демократично, ибо звучало одинаково привычно и для российского, и для немецкого уха. Кроме того, он с рождения стал билингом, то есть с ним родители говорили на обоих языках, а это и развивало ум малыша, и впоследствии расширяло его профессиональные границы. Катя и сама начала вгрызаться в язык, она весьма преуспела, да и произношение у нее было вполне приличное.

И какая тут могла быть учеба в университете, казалось бы. Ан нет. Катя все делала непредсказуемо. Она не исчезла из своего учебного заведения в никуда, а взяла академ – имела

полное право, ибо беременность и роды такое право ей давали. Прогулов у нее не было, «хвостов» тоже, успеваемость вполне приличная. И она совершенно не хотела становиться образцовой женой и домохозяйкой. Мало того, Катины родители тоже переехали в Германию, что было для всех наилучшим вариантом – московские свои квартиры в центре они сдавали и в деньгах особой нужды не испытывали, даже снимая жилье неподалеку от дома зятя. Все это позволяло Катушке спокойно продолжить учебу.

Конечно, это было удобно. Конечно, о таком муже и, в принципе, о такой жизни могла мечтать любая девушка. Любая... но не Катя.

По мнению ее многочисленных друзей и родственников, она была настолько нелогична, что это переходило все границы, но у Кати границ не было. Спустя год академика она перешла на платное заочное обучение, невзирая на косые завистливые взгляды некоторых, и приезжала сдавать сессии. А поучившись эдак года два, объявила мужу и родителям, что намерена вернуться на родину.

Ну и где, спрашивается, логика?! ТАМ у нее было все, а на родине... только родина.

Не сказать чтобы Катя была отчаянной патриоткой. Нет, она была космополитом. Каких-то рамок она не признавала вообще, если, конечно, они не были рамками закона. А законы Катя не нарушала. Ну, разве что морально-нравственные – по мнению многих...

Но на объявление Кати-Катушки о возвращении к родным корням муж проявил характер.

Нет, он не был деспотом и тираном, он не стал страшить жену карами и угрозами. Он относился к Кате более чем хорошо. Это походило на отношение отца к любимому и зарвавшемуся дитятке: «Делай что хочешь, я не буду ругаться и даже помогу, но ВОТ ЭТО однозначно табу».

Однозначным табу стал для Кати Макс, которому было три года, которого она хотела увезти с собой.

– Родная, сама ты можешь делать все, что тебе заблагорассудится, – сказал этот удивительный муж, Виктор Палыч, спокойный и мудрый, как сфинкс: Катя его даже прозвала так в процессе совместной жизни. – Ты можешь построить дворец, можешь разрушить дворец. Но разрушить Макс-у жизнь я тебе, уж извини, родная, не дам. А вот развод дам, если захочешь, и помогу материально на первых порах, но сын останется здесь. И точка. Поверь старому опытному бойцу, тебе он будет только обузой. И ты прекрасно знаешь, что не сможешь дать ему ни приличного образования, ни того уровня жизни, который будет у него здесь, с нами. А препятствовать вашему общению я не буду. Так что подумай.

Катушка подумала и... решения уехать не изменила. Не помогли даже эмоции родителей-пенсионеров. Прочие называли ее и «кукушкой», и «гулящей», но она держалась стойко.

Ее не понимал никто. Она понимания не требовала. А на

недоуменный вопрос отца, который, в принципе, был за нее горой с рождения и выкрутасы ее принимал полностью, она ответила:

– Папа, вы с Витей очень похожи. А то ты не понимаешь. Он просто твоя калька. Может быть, я только из-за этого и вышла за него замуж. Но... У меня такое впечатление, что я до сих пор маленькая и живу в родительском доме на всем готовом. А я хочу повзрослеть.

– Вот эдаким способом? – поднял брови отец. – Бросив мужа и ребенка?

– Максик не брошен. – Катя воздела руки, как в древнегреческой трагедии. – Он дома! И потом, я же знаю Витю. «Витя» – синоним «отца», его воплощение, его олицетворение. Его мечтой всю жизнь был сын, я тебе говорила. Ну вот сначала у него появилась «дочь», я. А теперь его гештальт полностью закрыт. А мои зависли в воздухе, и это сводит меня с ума! Папа, я в жизни еще не видела ни-че-го. И никого. Я до сих пор не вылетела из родительского гнезда, у меня даже появился второй отец, то есть, ну, я не знаю, опекун. Я в опеке как... в вате! В вакууме! Я не реализована, ты это можешь понять? Немецкое правило «трех К» – Киндер, Кюхе, Кирхе – не для меня!

Дети, Кухня, Церковь... Катя в такие рамки, конечно, не умещалась, разгневалась настолько, что из ее глаз брызнули слезы. Хорошо, что эта сцена разразилась не дома, а на прогулке в парке, вдалеке от чужих ушей.

– Я очень люблю вас всех, ну, а что мне делать, если я чувствую себя... запеленутой?! Причем давно!

Отец молчал.

– Ну... вот такая я у вас получилась, – буркнула дочь.

Ее можно было или любить, или убить...

– И теперь что? – спросил отец, глядя в сторону.

– А теперь я буду взрослеть, – резко вытерев слезы и встав с лавочки, отрезала Катюшка и шмыгнула носом.

Аргументы вроде «подумай о матери» в ход не шли. Она ведь оставалась дома, в окружении родных.

– Эх ты... отрезанный ломоть, – только и сказала мама.

Что ж, в жизни бывает еще и не такое. Что и не снилось нашим мудрецам...

Ситуация, сложившаяся на шахматной доске жизни, как оказалось, устраивала всех. Вернувшись в Москву, Катюшка умудрялась преуспевать. Ее образ жизни напоминал лихорадочную гонку за собственной тенью. И все работы ее тоже были какими-то безумными и не укладывались в общепринятые стандарты. Сначала она работала у «широко известного в узких кругах» столицы экстрасенса-колдуна помощницей, попутно получая бесценный, хотя немного хаотичный опыт по работе с людьми. Потом вела курсы по йоге и медитации для женщин, «которым за». Затем, не без помощи и советов бывшего мужа, с которым весьма часто перезванивалась, основала фирму по социологическим опросам, «Наш мир», и получала довольно дорогостоящие заказы по разного

вида анкетированию. Да, это было морочно, но овчинка выделки стоила. Репетиторствовала, подтягивая по немецкому языку разновозрастные группы школьников и даже студентов.

Катушка была перпетуум-мобиле. За ней было трудно угнаться. Все, что она осваивала, давалось ей не то чтобы легко, нет. Просто она была очень упорная, если уж ставила себе цель, то достигала ее. Это было ее своеобразным вызовом жизни. Словно жизнь была живым существом, которому было что-то нужно бесконечно доказывать...

Попробовала Катя себя и в качестве переводчицы, просто сам бог велел – немецким она владела к тому времени великолепно. Где она только не переводила. И на конференциях, и делегациям. Потом ее занесло на Мосфильм. Там, в процессе довольно оживленной и бурной киношной жизни, она познакомилась со сценаристом. Он был красив, как принц, – загорелый, голубоглазый и белокурый. Намного старше ее, питерец. Он жужжал вокруг нее, как шмель, и даже немного развлек, но она быстро поняла, что за его жужжанием нет главного – самого дела. Все его сценарии были на стадии проектов и переговоров. Он, правда, рассказывал, что вот-вот, и одну его работу возьмут то ли в Польшу, то ли в Голливуд – ему это практически обещали. Что-то, конечно же, у него выходило – пара серий в детском киножурнале, бюджетные короткометражки, реклама. Но она быстро поняла, что это катастрофически мало для человека его возраста, даже

как-то несолидно хвастаться такими смутными достижениями и ждать мифической удачи, которая «вот-вот припорхнет». Тереться в тусовке может каждый, а вот возглавить ее дано немногим. Поэтому Катюшка даже до романа с ним не снизошла, и разочарованный принц-сценарист укатил к себе обратно в Питер искать вдохновения.

А Катя там же, на Мосфильме, познакомилась с фотохудожником Кириллом, и он действительно показался ей достойным внимания. Во-первых, у него в самом деле были интересные работы, и его печатали в нескольких изданиях, во-вторых, у него были перспективы – он собирался открывать очередную фотостудию.

– Вить, я выхожу замуж, – немного растерянно сказала она в трубку, в очередной раз звоня бывшему мужу и сыну. Сеансы связи были у них регулярными, а Катюшкины наезды в Дойчланд хаотичными и бурными.

– Он хоть кто? – помолчав, довольно спокойно осведомился «сфинкс».

– Фотохудожник... – и заторопилась: – Знаешь, довольно обеспеченный и успешный, у него все хорошо!

– Ну и хорошо, – заключил «сфинкс». – Всех благ.

И все. Кате было даже немного обидно... И она, словно доказывая что-то, бросилась в водоворот новых отношений.

У них с Кириллом был хороший тандем. Катя была его любимой моделью. Несмотря на то что она считала себя далеко не красавицей и давно махнула на себя в этом смыс-

ле рукой, фотохудожник все ее мнимые недостатки (угловатость, худобу и некоторую нескладность) превращал в такие достоинства, что взгляд от этой удивительной женщины было невозможно отвести. «Ну, какая еще Катюшка – Катрин! Только Катрин, – говорил он. – На свадьбе ты будешь самой утонченной невестой. Кстати. Пойдем-ка выберем тебе платье!»

И они пошли в бутик, который назывался «Идеальная пара». Они должны были пойти в другой, но тут жениха привлекло именно это название – оно совершенно случайно попало ему на глаза, когда они искали салон свадебных туалетов.

– Мы идеальная пара, запомни, – строго сказал он. – Потому что ты самая удивительная женщина, которую я когда-либо знал, а я всего лишь оправа для этого бриллианта.

Они долго и придирчиво выбирали самое оригинальное и эксцентричное платье. Молодая хозяйка салона была очень любезна. Она моментально поняла, что именно ищет эта пара – стильная женщина с не очень обычной фигурой и ее избранник, и одно за другим молча и быстро вывесила перед ними три белых платья, еще одно черное и одно красное. Они были одно другого оригинальнее – и покрой, и исполнение.

– Это, – хором сказала пара, указывая на красное.

– Да, я сразу подумала, что именно этот наряд на вас будет особенно выигршно смотреться, – искренне порадовалась

хозяйка бутика. – Примерим?

И платье в самом деле чудо как подошло к длинной, на первый взгляд нескладной Катушкиной фигуре. Ах да, фигуре КАТРИН. На ней оно преобразилось, стало достойным ее обрамлением. Нужно было только сделать кое-где несколько выточек.

И тут выяснилось, что милая девушка вовсе не хозяйка салона. Хозяйкой была ее мама, Зинаида Алексеевна, а дочь иногда подменяла ее, когда это было нужно, и справлялась со своей задачей на отлично.

Зинаида Алексеевна сотрудничала с несколькими ателье и обещала готовое платье в рекордно короткий срок, обещание свое выполнила.

Образ новоявленной Катрин с тех пор одно время частенько мелькал и в журналах, и в различного вида рекламах – на остановках в светящихся коробах, в магазинах, на билбордах. Никто не знал, конечно, кто это, но возле этих реклам останавливались все – так изысканно смотрелась Катя в вычурных нарядах, немислимых шляпках, почти обнаженная, но украшенная дорогой бижутерией.

А спустя какое-то время Катя увлеклась новым течением в психологии – будучи не совсем далекой от этой области, она пошла на курсы коучинга отношений, успешно окончила их и периодически проводила семинары. Один из них назывался без ложной скромности: «Найти мужчину своей мечты». На нем Катя обучала тому, как следует выстраивать отноше-

ния с противоположным полом девушкам любого возраста, и упирала на то, что возраст вообще значения не имеет.

На один из семинаров пришли к ней десятка полтора «мечтательниц» разного возраста, преимущественно невзрачной внешности и тучной комплекции, любителей жареной картошечки на ночь (сковородку в один присест!), тортиков и шоколадок за полночь. Для мечтаний – самое оно... Среди слушательниц были мать и дочь, и они радостно узнали в коуче посетительницу салона свадебных нарядов «Идеальная пара». Поистине удивительны пути наших судеб, и они так полны случайностей... А Катя с удивлением, по-новому пригляделась к дочери хозяйки бутика. Она была очарована ею еще во время визита за платьем. Как же так. Такой шарм, такая внешность, такие манеры, приветливость, искренность. Молодая. И не замужем. Куда мужчины только смотрят?!

– А ведь я на семинар идти не хотела, – улыбаясь, призналась Наталья («можно Тата», – сказала она). – Меня мама привела...

После семинара они разговорились. Зинаида Алексеевна, деятельная мама Таты, и вовсе пригласила «знаменитого коуча» в гости на ужин «по-семейному». Николай Николаевич, отец Таты, балагурил, мама суетилась с разносолами и успевала рассказывать про салон свадебных нарядов, который не так давно возглавила. Энергичная, внешне чуть нескладная (по мнению мамы), но обаятельная и целеустремленная Катя

была очень симпатична Тате. Молодые женщины подружались, их словно магнитом притянуло друг к другу.

Шел второй год Катиного счастливого замужества. И ей вздумалось посетить мужа в неурочное время в одном из его фотосалонов – просто соскучилась. Она немножко поблуждала среди декораций, которыми была оснащена студия.

– Ты самая удивительная женщина, которую я когда-либо знал, а я всего лишь оправа для этого бриллианта, – донеслось до ее ушей.

– Где-то я это уже слышала, – пробормотала Катушка, выходя из тени и наблюдая, как отпрянули друг от друга две фигуры. – Извините, если помешала. Как вас зовут?

– Нина, – пролепетала смущенная полуобнаженная модель.

– Значит, ты зовешь ее Нинон, – попробовала угадать Катя и подала ей длиннопалую, ненакрашенную, но с идеальным маникюром руку. – Или Нинель?

– Нинон... – покраснев, как маков цвет, пробормотала девушка.

– Торжок? Кимры? Ржев? – продолжала географические изыскания Катя: в ней проснулся социолог.

– Красная Гора...

– Что ж, Нинон-Нинель, ланфрен-ланфра, поздравляю. Он действительно сделает из вас королеву.

– Катрин... – начал было фотохудожник.

– Все было прекрасно, милый, – оборвала Катя. – Думаю,

все и дальше будет в рамках приличий, да?

Вслед ей неслось: «Я же художник, мне нужно вдохновение, черт побери, а ты постоянно уезжаешь в эту свою Германию», еще что-то, но слушать она не стала. Это был ее второй развод.

– Витя, я развожусь, – сказала она в трубку.

– Что так?

– Ну... видимо, я его уже не вдохновляю, – хмыкнула Катюшка.

– Ага, – резюмировал Витя. – Видимо, его вдохновил кто-то другой. Ну и козел же он после этого.

– Полный!

Ну, просто редкостное единодушие. Или, как выражались в одном прекрасном фильме, «высокие отношения»...

Зато она надолго задружила с Татой. Они с самого начала были довольно откровенны друг с другом, и Тата рассказала, что с отцом ее малыша она была знакома совсем недолго, что это сценарист из Питера, что вся эта история совершенно случайна.

– Так это Дима-сценарист – отец твоего чудного сына Ванятки?! – воскликнула как-то Катюшка. – Да я ж его встречала на Мосфильме. Белокурый, да. И Ванечка белокурый... Ну-ка, ну-ка, поподробнее с этого места!

«Поподробнее с этого места»

Тата окинула последним взором свой макияж. Безупречно. Она знала, что красива. А толку-то. Как-то раз они вот так же красились с Катушкой с утра, когда заболтались за полночь, и Тата оставила подругу ночевать. И наутро Катя, глядя на свой свежий макияж в зеркало, проворчала: «Для чаво, для каво?» Обе рассмеялись. Тате понравилось, и с тех пор она иногда вот так же ворчала.

– Для чаво, для каво, – прошептала она, но на этот раз смеяться не хотелось. Хотелось плакать.

Хорошенькое настроение перед Новым годом, ничего не скажешь.

Нет, частенько у всех людей бывает вот такая хандра перед какими-то важными датами. Перед днем рождения, например. А Новый год для Таты тоже была веха из ряда вон. Когда-то у нее был слишком грустный Новый год, невыносимо. Настолько, что она просто вычеркнула из памяти эти воспоминания. Только тогда она была еще очень молоденькая. Если бы все вернуть, ах, если бы! Она сейчас понимала абсолютно все. Потому что стала взрослой. И эти сны. Ах, эти сны! Часто, непозволительно часто. Солнце, золотящееся на пряди светлых волос, белозубая улыбка. Синие глаза. Ах, принц.

Нет-нет-нет. К черту. Это было давно, очень давно. Но так

больно про это вспоминать до сих пор. Не хватало еще расплакаться накануне свидания. Ирбис, Ирбис, Ирбис. Лучше думать про него. Симпатичный, она к нему привыкла. Правда, хороший.

– Хороший, – упрямо произнесла она вслух.

Но память переупрямила ее. Потому что она была на той волне, на волне печали.

После ТОГО Нового года, про который Тата решительно не хотела вспоминать, Тата начала хандрить, перестала есть, потеряла интерес к учебе. Напрасно мама, Зинаида Алексеевна, убеждала ее, что жизнь только начинается, что впереди еще много хорошего. Тата никого не слушала, она страдала с огромным наслаждением, со всей страстью юных лет. Она увешала стены своей комнаты мрачными картинками, слушала депрессивную музыку и даже начала поговаривать о самоубийстве. Субкультура готов и эмо еще не набрала таких оборотов, так что вряд ли это было модной тенденцией. Любимая дочь действительно упала в затяжную депрессию. Продолжалось это все уже месяца три, и пора было бить тревогу. И еще какую!

Тата была довольно поздним и единственным ребенком в обеспеченной и благополучной московской семье. Ее отец, Николай Николаевич Кулешов, был военным, служил в Генштабе и со временем дослужился до полковника. Мама, Зинаида Алексеевна, работала сначала продавщицей, а потом заведомом в единственном тогда на всю столицу свадебном

магазине на Якиманке, попасть в который и приобрести тот или иной дефицитный товар можно было только по специальным направлениям, которые выдавали в загсах молодым женам при подаче заявления.

С детства Тата была обожаемым ребенком. Не испорченная и особо не капризная, но, конечно, несколько балованная, поэтому цену себе знала. Теперь вы можете представить, какой поднялся переполох в семье, когда, не выдержав первых испытаний на любовном фронте, она начала чахнуть и хиреть, словно принцесса, оказавшаяся в лачуге нищенки.

Перепуганные родители посоветовались и решили: вместо того чтобы травить обожаемую дочь химией, сажая ее на антидепрессанты, отправить девочку культурно развеяться в Санкт-Петербург, где жила сестра отца, архитектор. Созвонились с родней, и добросердечная тетушка сказала, что, конечно, да, пусть приезжает непременно! Потому что Петербург – это именно то, что позволит вылечить больную душу.

Была ранняя весна, разгар учебного и рабочего года, поэтому взять отпуск и поехать с дочкой ни мама, ни папа не могли. Но саму Тату знакомый врач обеспечил необходимой справкой, по которой девушке без проблем предоставили академический отпуск.

И вот Тата укатила в Питер. Тетушка-архитектор первые дни хлопотала над племянницей, а затем предоставила ей полную свободу. Во-первых, прохладиться в разгар проекта не следовало, во-вторых, практически взрослой девушке

наверняка лучше было бы причесать мысли и чувства без причитания старших родственников, от которых она только что уехала. Поэтому Тата, пытаясь развеять тоску, бродила по музеям и набережным, и в один прекрасный день...

Это была выставка, посвященная творчеству Фриды Кало. Очередь была умопомрачительная, но продвигалась быстро. В одном из залов безостановочно крутили документальный фильм о художнице с невероятно трагической судьбой. Тата задержалась там и посмотрела фильм три раза подряд, потому что это очень отвечало ее настроению – мрачность, романтизм, любовь, страсть, наркотики, смерть. Она пропитывалась этой атмосферой и даже примеряла на себя – ну, конечно, не этот ужас неподвижности в больничной койке, а ее свободомыслие и ее мужчин. Диего Ривера и – неожиданно – революционер Троцкий. Последняя запись в дневнике Фриды: «Надеюсь, что уход будет удачным и я больше не вернусь».

Ах, как же это все отвечало собственным устремлениям Таты! Она упивалась этим нуаром.

– Такая молодая, не правда ли? – раздалось негромкое прямо над ее ухом. – И такая судьба.

Она повернулась и обомлела. На нее смотрел донельзя, до неприличия красивый мужчина. «Принц», – промелькнуло у нее в голове.

Да, он чем-то напоминал принца из сказки о русалочке. Белокурый, загорелый и голубоглазый. Правда, в ее мечтах

он был молодым, а этот... На вид она дала бы ему гораздо больше тридцати. Не парень, мужчина.

Сердце Таты болезненно стукнуло – снова перед глазами мелькнула гладь воды, позолоченная солнцем белокурая прядь... но она взяла себя в руки.

– В восемнадцать лет пережить такое, – непринужденно продолжил разговор блондин. – И не сдаться. Юность, вся жизнь впереди – и вдруг все летит в тартарары.

– Я сейчас переживаю нечто подобное, – неожиданно вырвалось у нее.

Признавшись в этом незнакомцу, Тата вдруг страшно смутилась:

– Ой... извините... Получается, что я себя с ней сравниваю, но это... так нескромно... и даже глупо!

– Ничуть, – спокойно возразил мужчина. – Хотите, угадаю? Несчастливая любовь.

– Вам, наверное, смешно, – нахмурилась она.

– Да боже упаси смеяться над чужими чувствами, – покачал он головой. – Наоборот, очень даже хорошо вас понимаю. А когда, извините, любить, как не в молодости? И именно сейчас, когда воспринимаешь жизнь особенно распахнуто, такие удары бывают наиболее болезненными. Так что смеяться над таким может только прожженный циник. Больше того – чудовище.

«Какой мудрый», – подумала Тата и вдруг снова покраснела. Она почувствовала, как лицо ее заливают жар.

Она именно сравнивала. Да, в ее автобус не врезался трамвай, но утлая лодочка ее жизни, столкнувшись с первой потерей, потерпела крушение. Пробоина была ощутимой, и она почти шла ко дну... И вдруг... А ведь Фриде было на несколько месяцев меньше, чем ей, Тате. И Диего, между прочим, был тоже намного старше ее, Фриды. Она подумала «тоже»?.. Лицо ее пылало, и она, как ей казалось, незаметно прижала прохладные ладони к щекам.

– Знаете, а я ведь не хотел сюда сегодня приходить, – признался мужчина. – Собирался на Апрашку заехать, но случайно ноги сами сюда повернули. Тянет иногда снова посмотреть на свою работу, знаете ли... Я ведь был одним из тех, кто работал над этим фильмом о Фриде.

– Вы работали над этим фильмом? – изумилась Тата.

– Я сценарист, – сдержанно отозвался белокурый принц.

– Потрясающе, – пробормотала девушка.

Все это было так романтично. Питер... Фрида... Сценарист... Да, не зря родители отправили ее сюда.

Она заметно воспряла духом и, наверное, впервые за три месяца почувствовала, что пожить, наверное, еще все же стоит.

– Очень... пронзительный фильм получился, – осторожно сказала она. – Я ведь третий раз подряд смотрю.

– Правда, понравился? – польщенно спросил сценарист. – А что именно понравилось?

– Видеоряд, наверное, – неуверенно произнесла она.

– Это, скорее всего, к оператору, – отозвался тот. – Видеоряд, раскадровка... Впрочем, мы, конечно, сотрудничали довольно тесно – режиссер, оператор... Спорили, обсуждали.

– Знаете, это... Не просто иллюстрация ее биографии, – сделала девушка робкую попытку анализа. – Тут есть какая-то внутренняя история фильма. Такая... я бы даже сказала, дерзкая.

– Да, – посмеялся блондин. – Дерзость – это точно мое. Меня вечно цензура заворачивала!

– Здесь много... эротики, – смело сказала Тата, вновь заливаясь краской. – Такой... скрытой. Но она ощущается.

– А вы довольно проникательны. И чувствуете тонко, – удивленно заметил сценарист. – Приятно встретить не просто зрительницу, но достойную собеседницу. И такую молоденькую.

– Спасибо, – смутилась она.

– Где учитеесь, если мне позволено это узнать? Истфак, журфак, искусствоведение? – попытался угадать сценарист.

– Совсем даже нет, – улыбнулась она. – Я будущий экономист.

– Вот как, – покачал головой блондин. – И не скучно?

– Да я как-то об этом и не думала, – пожалала плечами Тата. – Поступила в вуз, который родители выбрали.

– То есть вы такая послушная? – подначил блондин с доброй усмешкой.

– Ну... – смешалась она и тоже усмехнулась. – Когда как.

– А сейчас что? Сбежали с лекций?

– Да я вообще не в Петербурге живу, – призналась Тата. –

В Москве.

Блондин покивал:

– Понимаю. Вам просто нужно развеяться.

– Именно!

– Что ж, Петербург к этому очень располагает, – согласился сценарист. Он вдруг спохватился и наконец представил-ся: – Что ж это я, невежа! Дмитрий.

– Наталья... Тата, – поправилась она.

– Тата, а что вы скажете на то, чтобы прогуляться вместе? – предложил он. – Если, конечно, вы уже посмотрели выставку. И если у вас нет других планов.

– Было бы интересно, – вдруг неожиданно застеснялась она.

– Подождете меня минутку, хорошо?

И вправду, ровно через минуту он вернулся, протягивая ей набор открыток с работами Фриды.

– Ой... Спасибо, не стоило...

– Мне будет приятно, если у вас останется сувенир на память о Петербурге, о выставке. Может быть, немножко и моем фильме.

Она снова взглянула в его яркие синие глаза, помедлила и, улыбнувшись, кивнула. Конечно, ей нравился этот загорелый мужчина с внешностью киногероя. Принц... Она неза-

метно вздохнула. Но он все равно заметил.

– А давайте я покажу вам Питер совсем с неожиданной стороны, – решительно предложил он. – Не с парадной – фонтаны, музеи... А, так сказать, со стороны кулуаров.

– Мы будем шляться по подворотням времен Достоевского и перелезать через заборы? – пошутила она.

– Вроде того, – засмеялся он. – Но конечно, не так мрачно.

Они вышли на улицу и неторопливо зашагали, приближаясь к набережной Фонтанки. Погода решила их побаловать: не было ни дождя, ни пронизывающего ветра. Сценарист купил им по мороженому. Было очень здорово идти не торопясь, наслаждаясь лакомством и посматривая вокруг. Изумительная архитектура Питера – это то, чем можно любоваться не переставая. Строгие линии классицизма соседствовали с плавными изгибами модерна и пышной лепниной барокко, и от всего веяло великолепием чинности.

– Хорошо, что сейчас еще довольно рано, – заметил Дмитрий. – Помните, я говорил вам, что собирался заскочить на Апрашку?

– Что-то припоминаю... А что это?

– Это Апраксин двор, – пояснил он. – Знаменитый огромный рынок, появившийся в Петербурге практически с возникновения самого города. Там есть все, на любой вкус, кошелек и стиль. Но самые мои любимые тамошние закоулки – это барахолка, «блошинный» рынок.

– Будем присматривать у старушек их допотопные ветхие

тряпицы?

– Да не скажите, – усмехнулся Дмитрий. – Там всегда такой ажиотаж. Конечно, многие гонятся за подделками брендов, но ценитель может буквально за копейки урвать практически музейную редкость. И... можно сказать, я принимаю вызов! Я вам докажу, что тут чертовски интересно, и отстою честь родного города.

Они засмеялись. Тате стало необыкновенно легко. Ее мрачное настроение улетучивалось на глазах. Она заглянула в себя. Нет, она не влюбилась. Просто он ей очень нравился. Это... как пузырьки шампанского. Легкие, ни к чему не обязывающие. Ой... Вот о шампанском как раз лучше не вспоминать. Гори оно синим огнем, это шампанское. Впрочем... Чем оно-то виновато?! А вот ничем!

– А вы повеселели, – заметил Дмитрий.

– Да, – решительно сказала она. – Мне весело.

Она словно убеждала в этом саму себя. И ей удалось.

А на рынке и в самом деле оказалось интересно. Конечно, там были и пафосные отделы, но они их миновали. Прошли мимо и засилья поддельных брендов, которые выглядели как настоящие.

– Фу-у, ну какой же это Диор, – отходя подальше, сморщила носик Тата по поводу сумочки, которую пытался ей всучить продавец.

– А вы разбираетесь, – заметил Дмитрий.

– Ну, почему бы нет, – пожала плечиками Тата. – Папа

полковник, в Генштабе работает, у мамы свой магазин...

Ей было приятно немножечко похвастаться. Она словно поднимала свой статус – и не в его, а в своих собственных глазах. Да, у нее в жизни все в порядке! Абсолютно все...

– А что за магазин у вашей мамы? – полюбопытствовал сценарист.

– Свадебный, – оживилась девушка. – Ой, вам это вряд ли будет интересно...

– Почему же? Очень даже интересно. Иначе я бы и не спросил.

– Ну... – улыбнулась Тата своим мыслям. – Когда я была маленькая, у мамы магазина не было, она еще только в нем работала. Такой эксклюзивный бутик. И я просто обожала ходить к маме на работу. Потому что сразу погружалась в эту праздничную атмосферу.

– Как в сказках про принцесс, – кивнул Дмитрий.

– Да, именно, – подтвердила она.

Как здорово, что он взрослый и все понимает. И, похоже, не подшучивает...

– Вас наверняка папа называет принцессой, – предположил Дмитрий. – Вы очень красивы. Простите, это банальный комплимент, но что ж я могу поделать, если это не комплимент, а правда.

– Спасибо... Но дома меня зовут не принцессой, а Русалочкой, – поделилась она.

– Да, вы похожи на русалочку. Ваши длинные волосы...

Так мило. А почему все же Русалочка, а не принцесса?

– Я очень плавать люблю, – засмеялась Тата. – С детства обожаю воду. Для меня лето потеряно будет, если я не искупаюсь... где угодно. Меня рано научили плавать, и каждое лето на море вывозили – Коктебель, Симеиз, Феодосия. И дача у нас под Дмитровом прямо на берегу реки. Я там целыми днями пропадала. Потом родители меня отдали в бассейн на синхронное плавание. Это красиво.

– То есть вы спортсменка? – уточнил сценарист.

– Нет, до этого не дошло, – засмеялась она. – Спорт – это совсем не мое. А вот без воды до сих пор не могу. И научилась очень хорошо на ней держаться. Один раз, в прошлом году, в Карелии, попала на озере в небольшой шторм. Родители так перепугались! Был дождь, и я просто решила испытать стихию. Далеко заплыла, а непогода разыгралась...

– Да вы что! – даже остановился Дмитрий.

– Ну я ведь выплыла, – фыркнула Тата. – Иначе мы бы сейчас с вами не разговаривали.

– Вы рискованная девушка, – покачал головой Дмитрий.

– Знаете, никогда себя таковой не считала, – сказала она. – Наверное, просто немного безалаберная.

– Самокритично, – заметил сценарист. – Извините, я вас прервал. Вы говорили, что мама брала вас с собой на работу, в свадебный магазин.

– Ну да. И вот, сидя в торговом зале, где меня окружали белоснежные кружевные наряды, глядя во все глаза на счаст-

ливых женихов и невест, я так мечтала о собственной свадьбе! Целые альбомы там изрисовывала балами и свадьбами, придумывала себе наряд, выбирала фату и туфельки. Вы не представляете, как маленькие девочки мечтают о свадьбах!

– Почему это, очень хорошо представляю, – возразил Дмитрий. – У меня дочка. Правда... Правда, я не видел ее лет пятнадцать.

– Ого, – покачала головой Тата.

– Да, жизнь штука полосатая, – покивал Дмитрий. – Развелся, когда дочке было пять лет. И теперь она живет во Франции с мамой...

– Да, далеко... Не наездишься.

– Ну что вы, – махнул рукой Дмитрий. – Какое там ездить. Бывшая жена даже не звонила. У меня дома сохранилось несколько рисунков дочки. Там как раз такие... дамы в длинных белых нарядах. Принцессы. Невесты. Это все, что у меня осталось на память о ней.

– Грустно, – сказала Тата.

– Так, – снова остановился Дмитрий. – Я вас хотел развлечь, а получилось, что огорчил. Не переживайте, за давностью лет все приговоры аннулируются. Все живы, никто не прыгал со скалы, никаких страстей. Наоборот, даже какие-то идеи появлялись, пока я все это переживал. У меня было много сюжетов, я снимал бюджетные короткометражки. И вот что-то своего зрителя нашло, что-то цензура зарубила, что-то просто лежит на полке и ждет своего часа... И

вы знаете, он настанет. Особенно теперь, когда наконец-то подул ветер перемен. У меня практически уже берут один из сценариев в Польшу – есть там кое-какие знакомства. Да и тематика там никого не смущает. Знаете, такие вольные измышления на тему «Алисы в стране чудес»... Так что, можно сказать, до всемирной знаменитости всего маленький шаг. Да, его еще надо сделать, но я его сделаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.